

НИКОЛАС СПАРКС

Новинка!

*Каждый
вдох*

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Каждый вдох

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Спаркс Н.

Каждый вдох / Н. Спаркс — «Издательство АСТ»,
2018 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-114234-6

Почему жизнь сталкивает людей? Как не пройти мимо «своего» человека? Насколько сильно случайная встреча способна изменить вашу жизнь? Хоуп Андерсон и Тру Уоллс в одно и то же время оказались в городке Сансет-Бич, Северная Каролина. Хоуп приехала на свадьбу подруги, Тру – чтобы познакомиться с отцом, которого никогда не видел. Они на несколько дней поселились по соседству и поначалу не подозревали, что с этого момента их мир разделится на «до» и «после». Двое людей полюбили друг друга мгновенно, почувствовали, что составляют две половинки единого целого. Но как сохранить это счастье, если у каждого давно своя жизнь, полная сложностей и проблем? Как выстраивать отношения, если вас разделяет океан? И какой сделать выбор, если для осуществления мечты одного, нужно пожертвовать мечтой другого?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114234-6

© Спаркс Н., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Благодарности	6
Родственные души	8
Часть I	12
Тру	12
Хоуп	20
Сансет-Бич	26
Осенние деньки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николас Спаркс

Каждый вдох

Nicholas Sparks
Every Breath

© Willow Holdings, Inc., 2018

© Перевод. О. А. Мышакова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Виктории Водар

Благодарности

У меня процесс создания книги несколько ассоциируется с родами (в том виде, какими они мне представляются): ожидание, страх, изнурительные попытки и наконец ликование (к счастью, мне не придется проверять точность этого сравнения на личном опыте). На всех этапах – от зачатия до первого крика «новорожденного» – рядом находилась мой литературный агент Тереза Парк, не только женщина редкого ума и таланта, но и вот уже четверть века мой близкий друг. Команда «Парк литерари и медиа» бесспорно самая солидная, компетентная и стратегически дальновидная в этом бизнесе: Абигейл Кунс и Блэр Уилсон стали архитекторами моей международной карьеры; Андреа Май продолжает находить все новые способы сотрудничества с розничными распространителями – «Таргетом», «Уолмартом», «Амазоном» и «Барнс энд Ноблом»; Эмили Свит обеспечивает техническую составляющую моего присутствия в соцсетях, занимается также лицензированием и брендингом; Александра Грин берет на себя юридическую поддержку и разрабатывает стратегию, а Пит Кнапп и Эмили Кладжett делают все, чтобы мои книги не теряли своей актуальности у весьма изменчивой читательской аудитории.

В издательстве, куда я отношу все свои сочинения после «Дневника памяти», за несколько десятилетий произошли существенные изменения, но я счастлив, что в последние годы мои книги продвигает исполнительный директор «Хэчетт бук груп» Майкл Пьеш. Издатель из «Гранд сентрал паблишинг» Бен Севьер и главный редактор Карен Костолник пришли в коллектив недавно, но очень удачно, привнесли в работу новые идеи и энергию. Мне будет не хватать вице-президента «Гранд сентрал паблишинг» Дейва Эпштейна, который вместе с боссом Крисом Мерфи и Андреа Май из управления проектами сформировал стратегию розничных продаж для недавно вышедших романов (Дейв, желаю тебе мирной рыбалки на пенсии). Флэг и Энн Туми, прекрасные и неизменно качественные обложки моих книг – ваша заслуга. Брайана Мак-Лендона и моего нечеловечески терпеливого рекламного агента Кейтлин Малруни-Лиски хочу поблагодарить за организацию маркетинговой и рекламной кампании моих книг. Аманде Прицкер я искренне благодарен за внимательность и эффективное сотрудничество с командой «Парк литерари».

Кэтрин Олим – мой давний рекламный агент в «Пи-эм-кей – Би-эн-си» и моя бесстрашная защитница и незаменимая советчица (я очень дорожу ее рекомендациями). Гуру соцсетей Лакиш «Кью» Райт и Молли Смит помогают мне не терять связь с читателями и, кроме того, убедили меня обрести собственный голос в постоянно меняющемся мире виртуального общения. Спасибо за неизменную поддержку и помощь на протяжении стольких лет!

В попытках кино- и телеэкранизаций моих романов мне посчастливилось работать с не менее замечательной командой, ориентированной на аудиторию 20+: Хови Сандерс (перешла в отдел анонимного контента), Кейей Хайятиан из Объединенного агентства по подбору актеров и Скоттом Швиммером, моим юристом, специализирующимся на индустрии развлечений и влюбленным в свою работу (надеюсь, Скотти, тебе понравится твой тезка из «Каждого вдоха»!). Любой автор будет счастлив отдать свой голливудский проект в руки этих перво-классных специалистов!

И наконец, спасибо моей «домашней» команде – Дженни Арментраут, моей помощнице Тии Скотт, Майклу Смиту, моему брату Мике Спарксу, Кристи Боначчи, Эрику Коллинзу, Тодду Лэнману, Мике Саймону, Грею Цюрбруеггу, Дэвиду Страуду, Дуайту Карблему, Дэвиду Вэнгу, моим бухгалтерам Пэм Поуп и Оскаре Стревик, Энди Соммерс, Ханне Менш, Дэвиду Геффену, Джеффу ван Ви, Джиму Тайлеру, Дэвиду Шара, Пат и Билли Миллсам, Майку и Кристи Мак-Аденам; старым друзьям, среди которых Крис Маттео, Пол Дювэр, Боб Джейкоб, Рик Мюнч, Пит Деклер и Джо Вестмейер; моей большой семье, в том числе Монти, Гейл,

Диане, Чаку, Дэну, Сэнди, Джеку, Майку, Парнеллу; всем моим двоюродным братьям и сестрам, племянникам и племянницам и наконец моим детям – Майлсу, Райану, Лэндону, Лекси и Саванне. Я каждый день благодарю Бога молитвой и «каждым вдохом» за то, что вы у меня есть.

Родственные души

Существуют истории, которые появляются таинственно, буквально из ниоткуда, а есть сюжеты, которые нам кто-то подарил. К последним относится и мой рассказ. В холодный ветреный день конца весны 2016 года я ехал в Сансет-Бич, Северная Каролина, один из маленьких островов на границе между Уилмингтоном и Южной Каролиной. Оставив пикап у пирса, я пошел по берегу к Берд-Айленд, безлюдному прибрежному заповеднику. Местные жители уверяли, что я обязательно увижу там то, что мне сразу захочется описать в одной из своих книг. Мне сказали искать американский флаг: как увижу его, значит, я уже близко.

Заметив флаг, я стал смотреть внимательнее – меня предупредили, что нужно искать почтовый ящик под названием «Родственные души». Ящик на шесте из старого плавника стоит здесь с 1983 года и принадлежит всем и никому. Любой может оставить в нем письмо или открытку, а другие прохожие прочитают то, что находится в почтовом ящике. Каждый год это делают тысячи людей, и постепенно ящик «Родственные души» превратился в хранилище надежд и мечтаний в письменной форме. Разумеется, не обходится и без любовных историй.

На пляже никого не было. Подойдя к одинокому почтовому ящику на пустом берегу, я заметил рядом деревянную скамью – аванпост размышлений, идеальное место для отдыха.

В ящике нашлись две открытки, несколько распечатанных писем, рецепт брауншвейгского рагу, дневник, написанный по-немецки, и толстый коричневый конверт. Еще имелись ручки, пачка чистой бумаги и конверты – видимо, для того, кто вдохновится и поделится своей историей. Присев на скамью, я просмотрел открытки и рецепт, а потом взялся за письма. Почти сразу я обратил внимание на отсутствие фамилий; в некоторых письмах были имена, в других – инициалы, а третьи – вообще анонимные, что только добавляло таинственности.

Однако анонимность способствовала откровенности. Я прочел о женищине, которая, понемногу оправляясь после борьбы с раком, встретила мужчину своей мечты в магазине христианских книг, но беспокоилась, что недостаточно хороша для него. Я читал сочинение ребенка, который надеется стать космонавтом. Было письмо молодого человека, собравшегося сделать предложение своей любимой на воздушном шаре, а другой мужчина мечтал пригласить соседку на свидание, но боялся получить отказ. Попалось и письмо человека, недавно вышедшего из тюрьмы, у которого была единственная мечта – начать новую жизнь. Последнее письмо оказалось от хозяина пса Тедди, которому недавно пришлось усыпить любимого питомца. Автор был безутешен и даже вложил в конверт фотографию черного лабрадора с добрыми глазами и седеющей мордой. Человек подписался А.К., и я поймал себя на мысли – хоть бы он нашел способ заполнить пустоту, образовавшуюся после ухода Тедди.

Тем временем ветер усилился, надвигались тучи. Собирался дождь. Я убрал рецепт рагу, открытки и письма обратно в ящик и засомневался: открывать ли большой конверт. Его толщина означала солидное количество страниц, а мне меньше всего хотелось промокнуть по пути к машине. Перевернув конверт, я увидел, что на нем кто-то написал: «Самая поразительная в мире история!»

Попытка снискать признание или вызов? Надпись сделана автором или одним из прочитавших до меня? Этого я не знал, и любопытство пересилило.

Я открыл конверт. Внутри оказалось около десятка листов, ксерокопии нескольких писем и рисунок мужчины и женщины, явно влюбленных друг в друга. Это я отложил и полез в конверт за самой историей. Прочитав первую строчку, я остановился:

«Предназначение, больше всего волнующее людей, касается любви».

Тон повествования заметно отличался от остальных писем, обещая нечто серьезное и незаурядное. Я начал читать. Спустя страницу любопытство переросло в жгучий интерес, а еще через несколько страниц я уже не мог оторваться. Примерно полчаса я то смеялся, то проглатывал ком в горле, не обращая внимания на сильный ветер, вырывающий листья из рук, и свинцовые тучи. Раскаты грома и проблески молний уже достигли конечности острова, когда я дочитал последние слова с ощущением свершившегося чуда.

Мне бы в тот момент следовало уйти – я видел, как пелена дождя приближается по водной глади, но я стал перечитывать. На этот раз уже ясно слышались голоса персонажей. Когда я наскоро просмотрел письма и рисунки, зародившийся во мне замысел обрел очертания: разыскать автора и договориться об использовании этого сюжета для создания романа.

Но поиски представлялись нелегкой задачей. Большинство описанных событий произошло более четверти века назад, а вместо имен стояли инициалы – даже в письмах имена замазали корректирующей жидкостью, прежде чем отправить на ксерокс. Ничто не указывало на личность автора или возможного иллюстратора.

Однако кое-что все же нашлось. В записях, датированных 1990 годом, упоминался ресторан с открытой верандой и камином, на одной из полок в котором красовалось пушечное ядро, якобы поднятое с затонувшего корабля Черной Бороды. Еще упоминался коттедж на одном из островов у побережья Северной Каролины – от коттеджа до ресторана можно было дойти пешком. А на недавно заполненных страницах автор говорил о стройке, развернувшейся возле бунгало, причем совершенно на другом острове. Я понятия не имел, закончилось строительство или еще нет, но нужно было с чего-то начинать. Прошло много лет, но я надеялся узнать героев повести по рисункам. И конечно, оставался еще почтовый ящик «Родственные души», сыгравший едва ли не основную роль в этой истории.

К тому моменту небо совсем почернело, и я понял, что времени у меня нет. Сунув листы обратно в конверт, я положил его в почтовый ящик и побежал к машине. И едва успел – еще несколько минут и вымок бы насквозь. Дворники работали на пределе, и все равно стекло заливало водой. Я приехал домой и с запозданием пообедал, глядя в окно и думая о судьбе влюбленных, о которых узнал из толстого конверта. К вечеру я понял, что должен вернуться к «Родственным душам» и перечитать историю еще раз, но прогноз погоды и образовавшаяся деловая поездка отсрочили возвращение примерно на неделю.

Когда я наконец выбрался, рецепт, другие письма и немецкий дневник были на месте, но большой коричневый конверт исчез. Я понятия не имел, что с ним случилось. Неужели какого-нибудь прохожего так тронули эти страницы, что он забрал их с собой, или это сделал специальный человек, следящий за почтовым ящиком? Но больше всего я опасался, что это автор передумал рассказывать свою историю и сам пришел за письмом.

Тогда мне еще сильнее захотелось пообщаться с ним, но семейные дела и работа не позволяли освободиться еще примерно месяц, поэтому поиски я начал только в июне. Не стану утомлять вас подробностями, скажу лишь, что это заняло почти неделю: бесчисленные телефонные звонки, визиты в разнообразные торговые палаты и офисы окружающих административных округов, сотни миль в разъездах. Так как первая часть истории произошла два с половиной десятилетия назад, многие описанные места давно исчезли. Мне удалось отыскать ресторан, превратившийся в элегантное кафе, с белыми скатертями, где теперь подавали морепродукты; что ж, это и стало отправной точкой. Со списком разрешений на строительство я объезжал острова и во время одной из многочисленных прогулок по берегу наконец услышал звуки молотка и перфоратора. Не такая уж редкость для просоленных и потрепанных непогодой домов на побережье, однако при виде пожилого человека, соорудившего пологий спуск на пляж на склоне дюны, я внутренне вздрогнул: мне вспомнились рисунки в конверте. Даже издалека я узнал одного из героев той повести.

Я подошел и представился. Вблизи я убедился, что это он. Я обратил внимание на спокойный, но пристальный взгляд синих глаз, упомянутых в одном из писем. Произведя несложные математические расчеты, я сообразил, что герою сейчас под семьдесят – на вид возраст совпадал. Обменявшись парой дежурных фраз, я спросил напрямую, не он ли написал историю, которая в конце концов попала в «Родственные души». Отвернувшись к океану, старик добрых две минуты молчал, а потом сказал, что ответит на мои вопросы завтра при условии, что я помогу ему со стройкой.

На следующее утро я надел пояс для инструментов, но они оказались не нужны: старик заставил меня таскать клееную фанеру (два на четыре) и доски с пропиткой от дома на пляж через гребень дюны. Досок была целая гора, тащить их приходилось по песку, что вдвое труднее. Я убил на это занятие большую часть дня, а старик раскрывал рот лишь чтобы сказать, куда что нести. Он целый день сверлил и что-то прикручивал под палящим солнцем. Казалось, его заботит только качество работы, а не мое присутствие.

Вскоре после того как я оттащил последние доски, старик пригласил меня присесть на дюне и открыл сумку-холодильник. Наполнив из термоса пластиковые чашки, он подал мне чай со льдом.

– Да, – наконец ответил старик, – это я написал.

– И все описанное правда?

Он прищурился, будто оценивая меня.

– Ну, отчасти, – признал собеседник с акцентом, который тоже упоминался в рассказе. – Кто-то может оспорить факты, но ведь воспоминания и факты не всегда совпадают.

Я сказал, что, по моему мнению, из этого может получиться интересная книга, и атаковал старика целой серией страстных аргументов. Он молча слушал с непроницаемым видом. Отчего-то мне вдруг отчаянно захотелось его убедить. После неловкой паузы, словно взвесив мои слова, старик наконец заговорил. Он готов обсудить мое предложение и даже согласиться на него, но с условием, что первым читателем книги станет он сам. Если ему что-то не понравится, я должен буду все исправить. Я возражал как мог – на книгу уходят месяцы, даже годы работы, но собеседник был непреклонен. В конце концов я согласился, мысленно признав его правоту. Поменяйся мы местами, я бы попросил о том же.

Мы пошли в коттедж. Я задавал вопросы и получал ответы. Старик вручил мне копию текста и оригиналы писем и рисунков, отчего прошлое словно оживило.

Разговор шел своим чередом. Мой собеседник оказался прекрасным рассказчиком и приберег самое интересное напоследок. Наступил вечер, когда он показал мне замечательную вещь – труд любви, позволивший мне увидеть далекие события так отчетливо, будто я был их свидетелем. Я уже представлял, как слова появляются на листе: история разворачивалась сама, а моя роль заключалась в том, чтобы ее записать.

Перед моим уходом старик поставил еще условие: реальные имена не называть. У него не было желания прославиться – он считал себя человеком закрытым и к тому же опасался, что история может разбередить старые и новые раны. В конце концов, все произошло не на необитаемом острове, в событиях участвовали вполне реальные люди, и кого-то из них эти разоблачения могут расстроить. Я выполнил все условия, потому что ценность этой истории для меня важнее мелочей, ведь она напоминает нам, что иногда судьба и любовь вступают в борьбу.

Вскоре я начал работать над романом. Если у меня возникали вопросы, я звонил или приезжал. За год я объездил окрестности, по крайней мере те места, которые не были навсегда утрачены. Сидя в архивах, я всматривался в газетные фотографии, сделанные более четверти века назад. Чтобы снабдить повествование красочными деталями, я неделю прожил в прибрежном городке на востоке Северной Каролины и съездил ни много ни мало в Африку.

(С этим мне повезло больше – там время течет куда медленнее. Порой мне казалось, что я нечаянно оказался в прошлом.)

Очень полезной стала поездка в Зимбабве. Я еще никогда не бывал в этой стране, и местная природа произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда-то Зимбабве называли житницей Африки, но сейчас сельское хозяйство пришло в упадок, а экономику поразили длительный кризис, в основном по политическим причинам. Я бродил по незасеянным полям, видел разваливающиеся фермерские постройки и представлял, как зеленели здесь посевы, когда началась моя история. Три недели я ездил на сафари, жадно впитывая все, что открывалось глазу. Я говорил с гидами, скаутами-разведчиками и наблюдателями об их обучении и жизни и думал, как сложно им создавать семьи, ведь почти все время они пропадают в буше¹. Признаюсь, я влюбился в Африку с первого взгляда и навсегда: с того раза меня неудержимо тянет вернуться, и я знаю, что скоро поеду туда снова.

Несмотря на все мои усилия, многое осталось неизвестным: двадцать семь лет все-таки немалый срок, и дословно воспроизвести давний разговор между двумя людьми невозможно. Не получится точно вспомнить и каждый шаг главного героя, и какими были облака, и как именно волны набегали на берег. В этой книге вы увидите максимум моих усилий. Кое-что я изменил из соображений конфиденциальности, поэтому уверенно называю книгу художественным, а не документальным произведением.

Замысел, сбор материалов и процесс написания романа стали одним из самых памятных этапов в моей жизни. До известной степени пережитое изменило мое отношение к любви. Наверное, многим из нас нет-нет да и приходит в голову: а что, если бы я тогда последовал велению сердца? На это нет ответа. Жизнь складывается из маленьких жизней, каждая из которых длится один день, и нам то и дело приходится принимать решения и делать выбор (с соответствующими последствиями). Постепенно наши решения превращают нас в тех, кем мы в итоге становимся. Я запечатлел несколько фрагментов в меру своего таланта, но кто сказал, что картина, сложившаяся из этих фрагментов, – настоящий портрет этой пары?

Когда речь заходит о любви, всегда найдутся сомневающиеся. Влюбиться легко; сохранить любовь, несмотря на превратности судьбы, – недостижимая мечта для многих. Но если вы прочтете эту историю с тем же ощущением чуда, с каким читал ее я, впервые открыв коричневый конверт, ваша вера в сверхъестественное влияние, которым любовь порой обладает над людскими жизнями, обретет второе дыхание. Возможно, вы даже отвезете в «Родственные души» свою историю и она изменит чью-то жизнь так, как вы и подумать не могли.

*Николас Спаркс,
2 сентября 2017 года*

¹ Большие малонаселенные пространства некультивированной земли в Австралии и Южной Африке, покрытые кустарниками. – Примеч. ред.

Часть I

Тру

Утром девятого сентября 1990 года Тру Уоллс вышел из дома и посмотрел на небо, которое пылало огненным цветом на линии горизонта. Земля растрескалась, воздух был абсолютно сухим – дождей не наблюдалось больше двух месяцев. Пыль оседала на высоких ботинках, пока Тру шел к пикапу, на котором ездил уже двадцать лет. Пикап, как и ботинки, был густо покрыт пылью изнутри и снаружи. За забором, поверх которого тянулся провод под напряжением, слон отрывал ветки с рухнувшего ночью дерева. Тру не обратил на него внимания. Это часть его родного ландшафта – предки Тру эмигрировали из Англии более века назад, и сейчас он удивился не больше, чем рыбак, вытаскивающий из моря сеть с уловом и заметивший акулу. Тру был поджарый и темноволосый, вокруг глаз давно появились морщинки от постоянного пребывания на солнце. В свои сорок два года Тру до сих пор не решил: сам он выбрал жизнь в буше или это буш выбрал его.

В лагере было тихо: гиды, в том числе его приятель Роми, рано утром уехали в сафари-лодж, откуда гостей со всего мира повезут в буш. Последние десять лет Тру работал гидом в национальном парке Хванге. До этого его жизнь была почти кочевой: он менял заповедники каждые пару лет, набираясь опыта. Как правило, Тру избегал сафари-парков, где разрешалась охота, чего его дед понимать не желал. По словам деда Тру, которого все называли Полковником, хотя тот в армии никогда не служил, он перестрелял больше трехсот львов и шакалов, защищая скот на крупной семейной ферме возле Хараре, где рос Тру. Отчим и сводные братья были не прочь побить этот рекорд. Помимо разведения скота, семья Тру выращивала различные культуры, собирая больше табака и томатов, чем любая другая ферма в стране. А еще кофе. Прадед Тру начинал с легендарным Сесилем Родсом, алмазным магнатом, политиком и символом британского империализма, прибравшим к рукам землю, деньги и власть.

Полковник унаследовал от отца процветающий семейный бизнес, а после Второй мировой войны в делах и подавно начался невиданный прогресс; в результате семья Уоллсов стала одной из богатейших в стране. Дед не понял желания Тру оставить добропорядочную с виду деловую империю и роскошную жизнь. До своей смерти – Тру тогда было двадцать шесть лет – Полковник успел посетить заповедник, где работал внук. Хотя Тру спал в лодже, а не в лагере, при виде комнаты внука старика едва не хватил удар. Он оглядел жилище, которое счел не лучше лачуги, – без теплоизоляции и телефона, с керосиновой лампой и мини-холодильником, питавшимся от маленького общего генератора. Все это разительно отличалось от усадьбы на ферме, но Тру вполне устраивала спартанская обстановка, особенно когда наступал вечер и над головой разливался океан звезд. На самом деле в этом охотничьем домике было гораздо лучше, чем в других лагерях, где он работал ранее (в двух из них приходилось спать в палатке): здесь имелся водопровод и душ, который Тру считал чем-то вроде роскоши, пусть даже душевая была общей.

С собой Тру вез гитару в потрепанном чехле, провизию, термос, рисунки, которые он сделал для своего сына Эндрю, и рюкзак с одеждой на несколько дней, туалетными принадлежностями, альбомами, цветными и угольными карандашами и паспортом. Тру планировал отсутствовать примерно неделю, но счел, что больше ему ничего не понадобится.

Пикап стоял под баобабом. Некоторые проводники любили его сухие мясистые плоды и добавляли их в утреннюю овсянку, но Тру так и не привык к этому специфическому вкусу. Бросив рюкзак на переднее сиденье, он заглянул в кузов, чтобы убедиться – красть оттуда нечего. Тру собирался оставить пикап на семейной ферме, но там было больше трех сотен

работников, получавших сушие гроши. Хорошие инструменты там просто растворялись в воздухе, даже под бдительным присмотром родственников.

Тру сел за руль и надел темные очки. Прежде чем повернуть ключ зажигания, он проверил, не забыл ли чего. Вещей было немного: помимо рюкзака и гитары, письмо и фотография, полученные из Америки, билеты на самолет и бумажник. На стойке за спиной был заряженный карабин на тот случай, если пикап сломается и Тру придется пешком пробираться по бушу, продолжавшему оставаться одним из самых опасных мест на земле, особенно ночью и даже для такого опытного человека, как он. В бардачке – компас и фонарик. Тру проверил под сиденьем палатку – опять-таки на всякий случай. Палатка была достаточно компактной, чтобы поставить ее прямо в кузове, и хотя против хищников она вряд ли поможет, это лучше, чем спать на земле. Ну, вроде все, подумал Тру.

Вокруг уже стало заметно теплее, а в кабине так просто жарко. Тру пользовался «кондиционером два-двадцать»: два открытых окна и скорость двадцать миль в час. Это, в общем, не спасало, но он давно привык к жаре. Тру закатал рукава рыжевато-коричневой рубашки. Он поехал в своих плотных походных брюках, которые за много лет стали мягкими и удобными. Гости в сафари-лодже, наверное, сейчас сидят у бассейна в купальниках и шлепанцах, но Тру никогда не ощущал себя комфортно в плавках и босиком. Сапоги и холщовые штаны однажды спасли ему жизнь при встрече с разъяренной черной мамбой: не будь он нормально одет, яд убил бы его меньше чем за полчаса.

Тру посмотрел на часы – начало восьмого. Впереди два долгих дня. Заведя мотор, он задним ходом отъехал от баобаба и развернулся к воротам. Спрыгнув на землю, Тру открыл ворота, выехал и вышел из машины, чтобы запереть въезд: меньше всего гидам захочется обнаружить в лагере львиный прайд², уютно расположившийся на территории. Такое уже случилось не в этом лагере, а в другом, на юго-востоке страны. Поднялась суматоха: никто не знал, что делать, оставалось ждать, пока львы решат, сколько еще они намерены оставаться. К счастью, прайд тем же днем отправился охотиться дальше, но с тех пор Тру всегда проверял ворота. Среди гидов были новички, так что лучше подстраховаться.

Тронувшись с места, Тру старался выбирать участки поровнее. Первую сотню миль предстояло ехать по разбитым щебеночным дорогам, усыпанным выбоинами, – сперва по территории заповедника, затем мимо маленьких деревень. Туда Тру попадет только к середине дня, но он привык быть за рулем и позволил себе почти бездумно рассматривать мир, который называл своим домом.

Солнце пробивалось сквозь легкие облака, плывущие над верхушками деревьев, осветило лиловогрудую сизоворонку, вылетевшую из непролазной чащи узловатых веток слева. Два бородавочника рысцой перебежали дорогу, миновав семейство бабуинов. Тру сотни раз видел этих диких кабанчиков и невольно восхищался их способностью выживать среди стольких хищников. У природы свой страховой полис: чем ниже животное в пищевой цепочке, тем больше у него потомство. Зебры, например, ходят беременные почти круглый год, зато у львиц зачать хотя бы одного детеныша получается лишь с тысячного раза. Эволюционное равновесие, доведенное до совершенства. Хотя Тру видел это каждый день, он не уставал поражаться гениальности природы.

Туристы обычно жаждали интересных историй, и Тру рассказывал, что такое подвергнуться нападению черного носорога или как он однажды видел бешено брыкающуюся самку жирафа, которая не могла разродиться и буквально выстрелила из себя детеныша, немало удивив Тру своим неистовством. Он был свидетелем того, как детеныш ягуара затащил на дерево бородавочника почти вдвое больше себя, всего на несколько дюймов опередив стаю рычащих гиен, учуявших добычу. Видел он гиеновидную собаку, которая, бросив собственную стаю,

² Львиный прайд – семейная стая львов. – *Примеч. ред.*

прибилась к шакалам – тем самым, на которых гиеновидные собаки охотились. И таких рассказов у него было великое множество.

Есть ли шанс повторить удачное сафари? Ответ: и да, и нет. Можно отправиться в тот же сафари-парк, нанять того же гида, находиться там в то же время и ездить по тем же дорогам в такую же погоду, но животные непременно покажутся в других местах, занятые своими делами. Они будут идти на водопой или с водопоя, наблюдать и прислушиваться, поедать добычу, отдыхать и спариваться, просто проживая очередной день.

Сбоку от дороги Тру увидел стадо антилоп импала. Проводники в шутку называли этих животных «Макдоналдсом» буша, фастфудом в изобилии. Импалы входят в рацион каждого хищника, а туристы обычно перестают фотографировать этих животных после первого сафари – слишком уж их много. Однако Тру поехал медленнее, любуясь, как одна за другой импалы неожиданно высоко и грациозно перепрыгивали через упавшее дерево, точно учились хореографии. По-своему, думал он, импалы не менее замечательные создания, чем «большая африканская пятерка» – лев, леопард, носорог, слон и буйвол – и даже «большая семерка», куда еще входят гепарды и гиены. Именно ради них в основном и приезжают туристы, мечтая увезти редкие фотографии. Но увидеть львов не так уж и сложно, особенно в жару: они спят по восемнадцать – двадцать часов в сутки, растянувшись где-нибудь в тени. Вот лев в движении – большая редкость, такое увидишь разве что в ночное время. Раньше Тру работал в лагерях, где предлагались вечерние сафари. От некоторых поездок кровь стыла в жилах, и почти все буквально ослепляли – представьте себе пыль, поднятую сотней буйволов, антилопами гну или стадом зебр, убегающих от львов! Ничего не видно на расстоянии нескольких дюймов, и Тру вынужден был останавливать пикап. Дважды машина оказывалась между львиной стаей и ее добычей, от чего адреналин, естественно, зашкаливал.

Дорога стала заметно хуже, и Тру сбросил скорость, объезжая ямы, где только мог. Он направлялся в Булавайо, второй по величине город в стране, где жила его бывшая жена Ким с их сыном Эндрю. У Тру в Булавайо был дом, который он купил после развода. Сейчас ему казалось, что они с Ким изначально не очень подходили друг другу. Познакомились лет десять назад в баре в Хараре, куда Тру приезжал в перерывах между двумя работами. Ким потом признавалась, что он поразил ее своей экзотичностью, да и его фамилия пробудила интерес. Ким была на восемь лет моложе Тру, красивая и очаровательная, покладистая, но уверенная в себе. Слово за слово, они понравились друг другу и полтора месяца почти не расставались. Когда Тру снова услышал зов буша и захотел закончить роман, Ким призналась, что беременна, и они поженились. Тру нашел работу в Хванге, поближе к Булавайо, и в положенный срок на свет появился Эндрю.

Конечно, Ким знала, чем Тру зарабатывает на жизнь, но полагала, что с появлением ребенка он найдет работу, на которой не придется пропадать в буше по несколько недель. Однако муж продолжал работать гидом. В итоге Ким с кем-то познакомилась, и их с Тру брак закончился меньше чем через пять лет. Ни с той ни с другой стороны обид не было. Более того, после развода отношения даже улучшились. Всякий раз, когда Тру заезжал за Эндрю, они с Ким некоторое время сидели за столом и беседовали как старые друзья. Она снова вышла замуж и родила дочь, а недавно по секрету сообщила Тру, что опять беременна. Ее муж Кен работал в финансовом отделе «Зимбабвийских авиалиний», носил костюм и вовремя приходил домой к ужину. Ким о таком всегда мечтала, и Тру был только рад за нее.

Что касается Эндрю...

Сыну уже исполнилось десять лет, и он являлся единственным положительным итогом этого брака. Судьбе было угодно, чтобы Тру вскоре после рождения Эндрю переболел корью, оставшись в итоге бесплодным, но ему никогда и не хотелось второго ребенка. Эндрю ему было более чем достаточно. Именно из-за сына Тру делал крюк до Булавайо, хотя мог сразу отправиться на ферму. Кареглазый блондин Эндрю внешне походил на мать; стены комнаты

Тру были оклеены десятками рисунков с портретами сына. Со временем к ним прибавились фотографии: почти при каждой встрече Ким отдавала бывшему мужу увесистый конверт. Разные образы Эндрю, соединяясь в единое целое, смотрелись на стенах совершенно необычно. Хотя бы раз в неделю Тру делал зарисовки увиденного в буше (обычно это было животное), но чаще всего изображал себя и сына, стремясь запечатлеть в памяти очередную встречу.

Совмещать семью и работу было трудно, особенно после развода. По шесть недель, пока Тру находился в буше, Эндрю жил с матерью, и отец в его жизни отсутствовал: ни звонков, ни приездов, ни спонтанного матча в соккер, ни походов в кафе-мороженое. После на две недели Тру забирал сына и исполнял роль примерного родителя. Эндрю жил в его доме в Булавайо, Тру возил его в школу и из школы, собирал ланч, готовил ужин и помогал делать уроки. По выходным они занимались тем, чем хотелось Эндрю. Тру даже удивлялся, как можно так сильно любить своего ребенка, пусть он, отец, и не всегда рядом, чтобы это доказать.

Справа в небе кружили грифы – наверное, ищут остатки ночного пиршества гиен или свежую падаль. В последнее время зверям приходилось туго: страну поразила очередная длительная засуха, и водоемы в этой части заповедника пересохли, что неудивительно: сравнительно близко к западу, в Ботсване, лежит огромная пустыня Калахари. Оттуда пошли легендарные бушмены, язык которых считается самым старым из живых языков и со своими отрывистыми щелкающими звуками кажется чужому уху чем-то инопланетным. Хотя бушмены почти ничего не имеют в материальном плане, они смеются и шутят больше, чем представители других народов. Остается лишь гадать, сколько еще бушмены смогут вести привычный образ жизни. Новые веяния добрались и досюда: правительство Ботсваны готовит закон, обязывающий всех детей в стране, включая маленьких бушменов, обучаться в школах. Тру опасался, что это приведет к утрате уникальной культуры, просуществовавшей не одну тысячу лет.

С другой стороны, Африка постоянно меняется. Тру родился, когда Зимбабве еще была частью британской колонии Родезии, и застал гражданские волнения. Он был подростком, когда Родезия раскололась на две части, ставшие суверенными государствами Зимбабве и Замбия. Как и в ЮАР, которую большинство цивилизованных стран сделали изгоем из-за апартеида, в Зимбабве основная часть природных богатств и земель находится в руках небольшой части населения, в подавляющем большинстве белых. Тру сомневался, что так будет длиться вечно, однако тему политики и социального неравенства он раз и навсегда решил не обсуждать с родственниками. В конце концов, Уоллсы были частью привилегированной верхушки и, как все привилегированные верхушки, полагали, что заслужили и свое богатство, и привилегии, какие бы жестокие способы ни стояли за накоплением первоначального капитала.

Миновав границу заповедника, Тру проезжал первую из маленьких деревушек, где насчитывалась примерно сотня жителей. Как и лагерь гидов, деревня была обнесена высокой изгородью для безопасности людей и домашнего скота. Тру достал термос и сделал глоток, поставив локоть на край окна. Он обогнал женщину на велосипеде, до отказа загруженном ящиками с овощами, затем пешехода, направлявшегося, вероятно, в соседнюю деревню милях в шести. Тру сбросил скорость и остановился; мужчина, ускорив шаг, нагнал пикап и забрался в кабину. Тру знал достаточно слов на местном наречии, чтобы поддержать разговор. Всего он бегло говорил на шести языках – двух туземных и четырех европейских: английском, французском, немецком и испанском – и не в последнюю очередь благодаря этому был нарасхват у компаний – организаторов сафари.

Высадив попутчика, Тру поехал дальше, выбравшись наконец на асфальтовую дорогу. Вскоре он остановился пообедать – просто съехал на обочину в тень акации, чтобы поесть в кузове пикапа. Солнце стояло высоко, и вокруг было обманчиво тихо. Животных нигде не было видно.

Дальше дело пошло быстрее: деревеньки сменялись поселками, затем начались города, и уже к вечеру Тру въехал в Булавайо. О своем приезде он предупредил Ким письмом, но почта

в Зимбабве не отличалась пунктуальностью: письма, как правило, доходили до адресата, но вот со сроками были большие проблемы.

Свернув на улицу, где жила бывшая жена, Тру остановил пикап рядом с машиной Ким, подошел к двери и постучал. Через несколько секунд Ким открыла – его явно ждали. Они обнялись, и Тру услышал из комнаты голос сына. Эндрю вихрем слетел по лестнице и прыгнул в объятия отца. Не за горами время, когда сын сочтет себя слишком взрослым для подобных проявлений любви, поэтому Тру покрепче обнял его, не зная, какая еще радость может с этим сравниться.

– А мама говорит, ты уезжаешь в Америку, – протянул Эндрю, когда вечером они вдвоем сидели на низкой стене, служившей забором между участком Ким и соседским.

– Уезжаю, но ненадолго. На той неделе уже вернусь.

– Вот бы тебе не надо было ехать!

Тру обнял сына за плечи.

– Я тоже буду по тебе скучать.

– Тогда зачем ты уезжаешь?

Хороший вопрос. Почему спустя столько времени ему пришло письмо с приложенными билетами на самолет?

– Мне нужно повидать отца, – помолчав, ответил Тру.

Эндрю прищурился. Его светлые волосы сияли в лунном свете.

– Папу Родни?

– Нет, – ответил Тру, – моего биологического отца. Я никогда с ним не встречался.

– А тебе хочется?

Да, подумал Тру и тут же понял, что не очень.

– Не знаю, – признался он.

– А зачем ты едешь?

– Потому что он написал мне, что умирает.

Прощавшись с Эндрю, Тру отправился к себе домой. Войдя, он первым делом распахнул окна, впуская свежий ночной воздух, вынул из чехла гитару и примерно с час пел, аккомпанируя себе, прежде чем лечь спать.

На следующее утро Тру выехал рано. Столица не заповедник, здесь за дорогами следили, и все равно он добирался большую часть дня и уже в сумерках увидел огни усадьбы своего отчима Родни, отстроенной после пожара. Рядом находились еще три дома – по одному для каждого из сводных братьев Тру, и солидный особняк, который раньше занимал Полковник. Строго говоря, Тру принадлежал как раз особняк, но он направился к лачуге у самого забора – когда-то здесь жил повар с женой. Тру собственноручно отремонтировал этот домишко еще подростком. Пока Полковник был жив, лачугу поддерживали в порядке, но теперь повсюду лежал слой пыли, и Тру пришлось стряхивать с постели пауков и жуков, прежде чем лечь. Но ему было почти все равно, ведь где только не доводилось ночевать...

Утром он не зашел к родственникам, а попросил Тенгве, старшего над работниками, отвезти его в аэропорт. Тенгве был седой, жилистый и всегда знал, как заставить землю плодоносить даже в самых неблагоприятных условиях. Шестеро детей Тенгве работали на ферме, а жена Ануна готовила для Родни. После смерти матери Тенгве и Ануна стали для Тру ближе, чем даже Полковник, и только по ним он скучал вдали от фермы.

Дорога, ведущая в Хараре, была забита автомобилями, грузовиками, телегами, велосипедами и пешеходами, а в аэропорту творился настоящий хаос. Зарегистрировавшись, Тру сел на самолет, который доставит его сначала в Амстердам, затем в Нью-Йорк и Шарлотт, а уже оттуда в Уилмингтон, Северная Каролина.

Проведя в воздухе почти двадцать один час, Тру впервые в жизни ступил на американскую землю. Когда в Уилмингтоне он вышел в зону получения багажа, то заметил человека, державшего табличку с его именем, а выше значилось название фирмы по прокату лимузинов. Водитель удивился отсутствию багажа и предложил понести футляр с гитарой и рюкзак, но Тру отрицательно покачал головой. В душном влажном воздухе рубашка сразу прилипла к спине, пока он тащился к лимузину.

Доехали без приключений, но мир за окнами машины казался совершенно незнакомым. Куда ни взгляни, всюду тянулась ровная земля, зеленая и цветущая. Тру видел пальмы вперемешку с дубами и соснами и траву цвета изумруда. Уилмингтон оказался небольшим городком в низине; разнообразные сетевые магазины и офисы вскоре сменились исторической частью, где домам на вид было лет двести. Водитель лимузина показал Тру реку Кейп-Фир – темные спокойные воды были испещрены маленькими, как точки, рыбачьими лодками. На шоссе Тру видел машины, фургоны и минивэны, но никто не лез между рядами, как в Булавайо, объезжая телеги и животных. Никто не ехал на велосипеде, не шел по шоссе пешком, и почти все прохожие на городских тротуарах были белыми. Африка, которую на время покинул Тру, казалась далекой, словно из сна.

Час спустя лимузин пересек плавучий понтонный мост и остановился у трехэтажной виллы рядом с невысокой дюной в местечке Сансет-Бич, прибрежном островке у границы с Южной Каролиной. Тру даже не сразу понял, что весь первый этаж занимает гараж. Особняк казался почти карикатурным по сравнению с соседним простеньким коттеджем, на фасаде которого висело объявление о продаже. Тру даже засомневался, не ошибся ли водитель, но тот сверился с адресом и ответил, что доставил пассажира куда надо. Лимузин отъехал, и в наступившей тишине Тру услышал глубокое, ритмичное дыхание океана, накатывавшего волнами на берег. Поднимаясь на второй этаж, он вспоминал, когда в последний раз слышал шум прибоя, – выходило минимум лет десять назад.

Водитель отдал ему конверт с ключом от входной двери. Через огромный холл Тру прошел в просторную комнату с сосновым полом и деревянными балками под потолком. Интерьер словно готовили к журнальной фотосессии: даже диванные подушки и пледы были разложены с большим вкусом и аккуратностью. Сквозь огромные окна виднелась терраса, заросли солероса и песчаные дюны, тянувшиеся до самого океана. Здесь же располагалась внушительная столовая зона, которая заканчивалась дизайнерской кухней с мебелью на заказ, мраморными столешницами и очевидно дорогой техникой.

В записке на столе сообщалось, что в холодильнике и кладовой достаточно еды и напитков, а если Тру понадобится куда-нибудь съездить, он может вызвать лимузин. Если в нем проснется интерес к океану, доска для серфинга и ящик с рыболовными снастями – в гараже. Ниже отец извинялся и выражал надежду, что сможет приехать в субботу днем, раньше не получится. Никаких объяснений в записке не было. Отложив листок, Тру вдруг подумал, что отец тоже испытывает неоднозначные чувства перед предстоящей встречей. Но тогда возникает вопрос: зачем он прислал билет на самолет? Ладно, скоро все выяснится...

Был только вторник, значит, у Тру неожиданно образовалось несколько дней для себя. Этого он не ожидал, но ничего поделать уже не мог. Какое-то время он бродил по дому, осваиваясь. Из кухни коридор вел в большую спальню – Тру оставил там вещи. Этажом выше были другие спальни и ванные, казавшиеся стерильными, будто ими еще не пользовались. В основной ванной комнате Тру нашел чистые полотенца, мыло, шампунь и бальзам для волос и решил побаловать себя долгим душем, с удовольствием стоя под струями воды.

С мокрыми волосами он вышел на террасу. Нагретый за день воздух еще не остыл, но солнце уже спустилось к горизонту, расцветив небосвод тысячами оттенков желтого и оранжевого. Прищурившись, Тру разглядел в океане стаю дельфинов, играющих на волнах. Калитка, закрывающаяся на щеколду, вела к деревянной лестнице, по которой можно было спуститься

к настилу поверх зарослей солероса. Эта дощатая дорожка привела Тру к краю склона, откуда ступеньки уходили вниз, на пляж.

Вокруг было почти безлюдно. Вдалеке он увидел женщину, медленно идущую за маленькой собакой, с другой стороны серферы катались у пирса, врезавшегося в океан, как огромный шип. Тру двинулся к пирсу, ступая по плотному песку у кромки воды. Впервые он услышал о Сансет-Бич всего несколько недель назад, до этого даже как-то не задумывался, где находится Северная Каролина. Тру попытался вспомнить, был ли кто из гостей сафари из Северной Каролины, но так и не вспомнил.

Он поднялся на пирс, дошел до его конца и, поставив локти на перила, долго смотрел на океанскую гладь, тянувшуюся до самого горизонта. Величие и грандиозные размеры океана не укладывались в голове. Неожиданно мелькнула мысль: а ведь целый мир ждет своих первооткрывателей. Любопытно, увидит ли Тру когда-нибудь чужие края? Может, Эндрю подрастет и они отправятся путешествовать вместе?

Дул легкий бриз, и луна медленно появилась на темно-синем небе. Тру решил вернуться в особняк, который, как он предположил, принадлежал отцу. Нельзя, конечно, исключать, что дом съемный, но мебель слишком дорогая, чтобы доверять ее незнакомцам, да и почему бы тогда просто не поселить Тру в гостинице? Ему не давало покоя, что встреча перенеслась на субботу; зачем же авиабилет был взят на понедельник? Если этот человек и в самом деле умирает, причина задержки может оказаться медицинской, и в этом случае никаких гарантий нет и на субботу.

Но что, если отец все-таки приедет? Тру его совсем не знал и одна встреча не изменит ситуацию. Впрочем, в любом случае прояснятся некоторые вопросы – только поэтому Тру и решился приехать.

Вернувшись на виллу, он достал из холодильника стейк. Пришлось открыть несколько шкафов, прежде чем нашлась чугунная сковорода, но плита при всей своей затейливости включалась просто, как та, на которой Тру готовил дома. В холодильнике лежали готовые блюда из непонятного «Мюррейс дели»³, и Тру добавил себе на тарелку что-то вроде капустного салата, а затем еще картофельного. Поев, он вымыл тарелку, стакан и нож с вилкой и, захватив гитару, вернулся на террасу. Около часа Тру тихо пел, аккомпанируя себе и глядя, как в небе звезды, падая, на мгновение оставляли за собой светящийся след. Он думал об Эндрю и Ким, о матери и деде. Наконец ему захотелось спать, и Тру лег в постель.

Утром он сделал сотню отжиманий и столько же приседаний и попытался сварить себе кофе, но не смог разобраться, как работает кофемашина – слишком много кнопок и функций, а еще непонятно, куда заливать воду. Тру решил сходить на пляж в надежде найти кафе.

Как и накануне, пляж оказался практически пустым. Тру подумал: как приятно погулять, когда захочется. В Хванге это недоступная роскошь без карабина по крайней мере. Ступив на песок, он глубоко вдохнул, ощутив в воздухе вкус соли и почувствовав себя чужаком.

Сунув руки в карманы, Тру, упиваясь утренней свежестью, шел уже примерно четверть часа, когда на гребне дюны заметил кошку, сидевшую у недостроенного настила – спуск к морю еще не был закончен. На ферме в амбарах жили кошки, но это животное казалось совсем домашним. Мимо Тру промчался маленький белый пес, вспугнувший стаю чаек, которые разлетелись в разные стороны, словно фейерверк. Развернувшись к дюне, пес заметил кошку и рванул с места, как ракета. Кошка запрыгнула на настил, пока пес прыжками поднимался по осыпающейся песчаной дюне, затем оба скрылись из виду, и минуту спустя Тру показалось, что он слышал скрип автомобильных покрышек и собачий визг.

³ Сеть ресторанов. – *Примеч. пер.*

Он огляделся. Примерно посередине пляжа у кромки воды стояла хозяйка пса и смотрела на океан. Тру показалось, что это та самая женщина, которую он видел вчера, но сейчас она находилась слишком далеко, чтобы понять, что случилось.

Недолго думая Тру вскарабкался на дюну, борясь с осыпающимся песком под ногами, и в несколько шагов одолел дощатый настил, ведущий к лестнице, по которой можно было подняться к дому или же спуститься к дороге. Тру сбежал вниз между двух домов, похожих на виллу, где он остановился, перебрался через низкую подпорную стену и пошел вдоль дороги. Машины нигде не было видно, бьющихся в истерике людей и лежащего на асфальте пса тоже. Уже хорошо. По опыту Тру знал, что раненые животные часто забиваются в укромные места: ими движет природный инстинкт, заставляющий прятаться от хищников, пока они не оправятся и не смогут вновь быстро бегать.

Поэтому, идя вдоль обочины, Тру заглядывал под кусты и деревья. Белой собачки нигде не было. Перейдя на противоположную сторону, Тру направился обратно и наконец заметил пса у забора. Задняя лапа судорожно дергалась, а пес, оказавшийся белым терьером, тяжело дыша, трясся от боли или испуга. Тру подумал спуститься на пляж за хозяйкой животного, но за это время пес мог уковылять неизвестно куда.

Сняв темные очки, Тру присел на корточки и протянул руку.

– Привет, – ровным, спокойным голосом сказал он. – Ты чего это?

Терьер склонил голову набок, и Тру медленно, по дюйму начал приближаться, разговаривая негромко и спокойно. Когда он оказался совсем близко, пес потянулся к нему, попытавшись обнюхать руку, и нерешительно подошел на пару шажков. Убедившись, что незнакомец ничего плохого не сделает, терьер перестал дрожать. Тру погладил его по голове и осмотрел со всех сторон. Крови не было. На ошейнике имела табличка с надписью: «Скотти».

– Ну, здравствуй, Скотти, – сказал Тру. – Пойдем, что ли, на пляж?

Уговоры заняли некоторое время, но в конце концов пес двинулся за Тру по песчаному склону. Он прихрамывал, но не настолько, чтобы заподозрить перелом. У подпорной стенки Скотти остановился, и тогда Тру нагнулся, подхватил собаку на руки и понес между коттеджей по лестнице до настила на гребне дюны. Осмотрев пляж, он заметил приближавшуюся хозяйку Скотти.

Спустившись с дюны, Тру направился к ней. Утро было ясным и солнечным, но женщина казалась просто ослепительной в желтой безрукавке, трепетавшей на ветру. Расстояние между ними все сокращалось, и Тру как зачарованный не мог оторвать глаз от идущей навстречу незнакомки. Даже в своем замешательстве она была очень красива – с непокорными темно-рыжими волосами и голубыми, точно бирюза, глазами. В груди Тру что-то затрепетало, и ему стало не по себе, как всегда в присутствии привлекательной женщины.

Хоуп

Стараясь не расплескать кофе, Хоуп вышла на заднее крыльцо, откуда тянулся настил через дюну. Скотти, ее шотландский терьер, вырывал поводок, желая побыстрее оказаться на пляже.

– Перестань! – велела ему Хоуп.

Терьер и ухом не повел. Скотти был подарком Джоша, ее бойфренда, с которым она вместе вот уже шесть лет. Даже в лучшие дни терьер почти не слушался хозяйки, но со вчерашнего дня будто с ума сошел. Лапы бешено скребли по занесенным песком ступенькам, пока пес спускался на пляж, и Хоуп твердо решила снова сводить питомца на один из воскресных тренингов по обучению послушанию, хотя и сомневалась, что это чем-то поможет, – его уже выставили с двух занятий. Скотти, прелестнейший пес в мире, благослови Бог его душу, оказался на редкость бестолковым или просто упрямым.

День Труда⁴ уже прошел, поэтому пляж был почти безлюден – большинство элегантных вилл опустели. У самого пирса кто-то бегал трусцой, в другой стороне парочка прогуливалась вдоль кромки воды. Хоуп наклонилась, поставив пластиковую чашку с кофе на песок, и отстегнула Скотти поводок. Пес рванул вперед. Пожалуй, здесь он никому не мешает – вчера Хоуп видела, как две собаки носились без поводка, да и в любом случае людей мало, жаловаться некому.

Она медленно шла вдоль воды, мелкими глотками попивая кофе. За ночь Хоуп не выпалась. Обычно бесконечный рокот прибоя ее убаюкивал, но сегодня она ворочалась и металась в кровати, много раз просыпалась и оставила попытки заснуть, когда первые лучи солнца проникли в комнату.

Зато погода прекрасная: ясное голубое небо и свежо, как в сентябре, а не в августе. Вчера в новостях пообещали дожди на все выходные – Эллен, подруга Хоуп, сходит с ума от беспокойства. В субботу у нее свадьба, и церемонию и банкет планировали провести в Уилмингтонском загородном клубе на поле для гольфа (у последней лунки). Хоуп казалось, что свадьбу прекрасно можно отпраздновать и в здании клуба, но Эллен вчера вечером едва не рыдала в трубку.

Хоуп посочувствовала подруге, хотя это было непросто: увлекшись своими заботами, Эллен даже не спросила, как дела у Хоуп. С одной стороны, так, пожалуй, лучше: Хоуп пока не готова говорить о Джоше. Как прикажете объяснить, что его не будет в числе гостей? Конечно, неприятно, когда в день свадьбы подводит погода, но в жизни случаются вещи и похуже.

Сейчас Хоуп пребывала на грани нервного срыва, и неделя у моря не помогала. Не только потому, что рядом не было Джоша, но и оттого, что она здесь отдыхает в последний раз: в начале лета родители выставили коттедж на продажу и десять дней назад приняли предложение риелтора. Хоуп понимала, почему они продают коттедж, но ей будет очень не хватать этого дома. Почти каждое лето и все праздники семья проводила здесь – каждый уголок хранит воспоминания. Тут Хоуп отмывала ноги от песка из садового шланга, из кухонного окна наблюдала за грозами, а уж запах рыбы или стейков на решетке-барбекю на веранде за домом! Она помнила, как секретничала с сестрами ночью в общей спальне. И именно здесь, у океана, впервые поцеловалась с мальчиком. Ей было двенадцать лет, мальчика звали Тони, его родители владели летним домиком чуть дальше по улице. Хоуп была влюблена в Тони почти все лето, а когда они разделили на двоих сэндвич с арахисовым маслом и мармеладом, Тони поцеловал ее на кухне, пока мама поливала цветы на веранде.

⁴ Первый понедельник сентября. – *Примеч. ред.*

Невольно улыбнувшись, Хоуп подумала, как поступят с коттеджем новые владельцы. Ей хотелось верить, что они ничего не станут переделывать, но это было наивно. Лет двадцать назад подобных домов на берегу было множество, а теперь их можно пересчитать по пальцам: Сансет-Бич облюбовали богачи, поэтому коттедж, скорее всего, снесут до фундамента и построят нечто крупное, вроде трехэтажного чудовища по соседству. Это жизнь, говорила себе Хоуп, но ей все равно казалось, что вместе с коттеджем будет уничтожена частица ее самой. Она осознавала, что эта мысль из разряда чересчур драматических («увы мне, увы!»), и корила себя за это. Амплуа мученицы не для нее; Хоуп всю жизнь была убеждена, что ее стакан наполовину полон и новый день надо встречать как новую жизнь. Во многих отношениях ей действительно повезло: у нее есть любящие родители и две чудесные старшие сестры, она уже давно тетя трех племянников и двух племянниц – неиссякаемого источника радости и удивления. Учеба давалась Хоуп легко – она блестяще закончила колледж и любила свою работу медсестры в травматологии в медцентре округа Уэйк. Несмотря на пару-тройку лишних килограммов, она здорова, уже шесть лет встречается с хирургом-ортопедом Джошем и любит его! У нее прекрасные подруги и своя квартира в Роли, недалеко от родителей. Со стороны можно было подумать, что Хоуп просто баловень судьбы.

Так почему же у нее все валится из рук и скверно на душе?

Одной из худших проблем в этом и так непростом году стал диагноз отца. Сокрушительную новость они узнали в апреле. Не удивился только папа: он уже давно подозревал неладное, потому что у него вдруг пропали силы бегать в лесочке за домом.

Отец тренировался там, сколько Хоуп себя помнила. Роли застраивался, но эту часть оставили в качестве зеленой зоны, поэтому родители и купили там дом. На протяжении ряда лет застройщики добивались отмены решения городского совета, суля новые рабочие места и налоги в городской бюджет, однако успеха они не добились – отчасти потому, что отец Хоуп неизменно выступал против них на каждом заседании городского совета.

Отец обожал лес. Он не только каждое утро выходил на пробежку, но и гулял по тропинкам, отработав день в школе. Маленькая Хоуп увязывалась за папой и бегала за бабочками, или бросала прутики, или ловила рачков в маленькой извилистой речушке, местами подходившей к самой тропинке. Отец преподавал биологию, химию и физику и знал каждый куст и дерево. Когда он рассказывал о различиях между южным красным дубом и черным дубом, разница становилась ясной, как небо, но если Хоуп пыталась повторить этот фокус самостоятельно, она путалась. То же самое происходило с небесными созвездиями: вечерами отец показывал ей Геркулеса, Лиру или Орла, и Хоуп с интересом кивала, а через неделю недоуменно шурилась, вспоминая, где какие звезды.

Очень долго она искренне верила, что папа самый умный в мире. Слушая дочкины уверения, отец всегда смеялся и говорил: будь это правдой, он бы смекнул, как заработать миллион долларов. Мама Хоуп тоже была учительницей, правда, младших классов, и только закончив колледж и начав зарабатывать, Хоуп поняла, насколько же родителям было нелегко поднимать троих детей, пусть и на две зарплаты.

Отец тренировал школьную команду легкоатлетов. Он никогда не повышал голос, но его подопечные стабильно занимали первые места. Хоуп и ее сестры все четыре года старшей школы тоже участвовали в кроссах и легкоатлетических соревнованиях. Спортивный талант ни у одной не открылся, но Хоуп до сих пор выходила на пробежку минимум несколько раз в неделю. Старшие сестры также не отставали, и последние десять лет Хоуп с отцом и сестрами в День благодарения участвовали в традиционной пробежке, чтобы нагулять аппетит, прежде чем сесть за стол. А два года назад отец выиграл забег в своей возрастной группе.

Теперь он уже не побежит...

Началось все с судорожных подергиваний мышц и непроходящей усталости. Сколько это продолжалось, Хоуп не знала, но полагала, что года два. За двенадцать месяцев пробежки отца в лесу понемногу превратились в прогулки.

Что ж вы хотите – годы, говорила терапевт, и это казалось логичным: отцу было уже под семьдесят. Он вышел на пенсию за четыре года до появления симптомов, страдал артритом бедренных суставов и стоп и, несмотря на многолетнюю дружбу со спортом, вынужден был принимать лекарства от высокого давления. В январе отец приболел – самая банальная простуда, но прошло несколько недель, а ему все еще было трудно дышать.

Хоуп повезла его к врачу. Тот назначил анализы, кровь отправили в лабораторию. Отца направили к другому специалисту, затем к третьему, взяли на биопсию мышечную ткань, и когда пришли результаты, врач предположил неврологическое расстройство. Хоуп впервые почувствовала неладное.

Провели новые анализы, и вскоре собравшимся родственникам озвучили диагноз: боковой амиотрофический склероз, болезнь Лу Герига – тот самый недуг, что приковал к инвалидному креслу Стивена Хокинга. При этом заболевании погибают нервные клетки, отвечающие за произвольные мышечные сокращения, объяснил врач. Мышцы постепенно слабеют, больной начинает меньше двигаться, ему становится трудно говорить, глотать, а потом и дышать. Лекарства на сегодняшний день не существует, как и возможности предсказать характер течения болезни.

С апреля отец вроде бы мало изменился физически: он по-прежнему ходил гулять в свой любимый лес, сохранял добродушие и неизменно твердую веру в Бога, держал за руку жену, сидя с ней на диване перед телевизором. У Хоуп теплилась надежда, что у отца не самая агрессивная форма амиотрофического склероза, но она все равно не находила себе места. Сколько еще отец будет на ногах? Долго ли мать сможет справляться без посторонней помощи? Не пора ли пристраивать к крыльцу пандус и делать поручни в ванной? В специализированных заведениях существует очередь; может, надо искать место сейчас и вставать в лист ожидания? Из каких средств это оплачивать? Родители отнюдь не богатые и даже не зажиточные люди. У них имеются скромные сбережения и пенсия, плюс собственный дом и коттедж у моря, и все. Хватит ли этого не только на квалифицированный уход за отцом, но и на безбедную мамину старость? А если не хватит, что тогда делать?

Слишком много вопросов и мало ответов. Родители и сестры вроде бы смирились с неопределенностью перспектив, но Хоуп с детства все привыкла планировать наперед. Ночами она лежала без сна, представляя различные варианты развития событий и придумывая решения на каждый случай. Ей казалось, что это готовность ко всему, но на деле получалось, что она живет исключительно проблемами. Вспоминая об отце, Хоуп не переставала тревожиться.

Но ему же пока не хуже, убеждала она себя. Отрицательная динамика может не проявляться и три, и пять, и даже десять лет. Два дня назад, прежде чем уехать к морю, Хоуп с отцом даже ходила в лес, как раньше. Правда, прогулка была медленнее и короче, но папа по-прежнему называл все деревья и кусты, делясь с дочерью своими знаниями. Потом он остановился и поднял опавший лист – предвестник осени.

– Знаешь, у листьев много хороших качеств, – сказал он, – но порой они напоминают нам, что нужно жить как можно лучше и как можно дольше, а когда придет время, не держаться за ветку, а с достоинством позволить ветру себя унести...

Хоуп понравились слова отца – в какой-то степени. Он рассматривал упавший лист как обучающий момент, и в его словах были и правда, и ценность, но возможно ли встретить смерть совершенно без страха? Уйти, не теряя достоинства?

Если это кому-то под силу, так в первую очередь папе, самому стабильному, уравновешенному и миролюбивому человеку, которого знала Хоуп. Поэтому-то они с матерью и про-

жили полвека душа в душу и до сих пор держатся за руки и целуются, когда, как им кажется, дети не видят. Хоуп не понимала, как родители смогли пронести любовь через всю жизнь сознательно и вместе с тем естественно.

Кое-что еще заставляло ее хандрить. Не только беспокойство за родителей, но и Джош. Хоуп любила его, но не могла привыкнуть к постоянным ссорам и примирениям. Сейчас они снова разбежались – поэтому она и приехала к океану в компании Скотти, и в планах у Хоуп были только педикюр и стрижка накануне предсвадебного банкета в пятницу.

На свадьбу они планировали ехать вместе, но по мере приближения торжества Хоуп все больше казалось, что им необходимо побыть наедине. Последние девять месяцев клиника, где работал Джош, безуспешно подыскивала еще двух хирургов-ортопедов, и все это время он, справляясь с наплывом пациентов, работал по семьдесят-восемьдесят часов в неделю и постоянно пропадал на дежурствах. Их графики не всегда совпадали, и с недавних пор Джош все чаще предпочитал расслабляться отдельно. Редкие свободные часы он проводил на яхте с приятелями, катался на водных лыжах или, вдоволь нагулявшись по барам, оставался ночевать в Шарлотте, вместо того чтобы приехать к Хоуп.

Уже не в первый раз Джош словно забывал про нее. Он был не из тех, кто присылает цветы, и привычная нежность, с которой относились друг к другу родители Хоуп, была ему непонятна. В нем периодически просыпался Питер Пэн, и Хоуп уже не верилось, что Джош когда-нибудь повзрослеет. Его квартира, обставленная мебелью из «ИКЕА» и увешанная бейсбольными вымпелами и киношными постерами, подошла бы скорее студенту (впрочем, этому имелось логическое объяснение – Джош жил там с начала учебы в медицинском). Его приятели, практически все из одного спортзала, были тридцатилетними, холостыми и красивыми. Джош, которому через несколько месяцев стукнет сорок, выглядел моложе своих лет, но Хоуп, хоть убей, не понимала, чем посещение баров в компании приятелей, которые идут туда найти себе девушек, привлекает его. Но что она могла ему сказать? «Перестань общаться с приятелями»? Хоуп ему не жена и не невеста, а Джош с самого начала твердил, что ему нужна спутница жизни, которая не будет пытаться его изменить. Он желает, чтобы его принимали таким, каков он есть.

Последнее Хоуп могла понять – она и сама хотела, чтобы ее любили такой, какая она есть. Но тогда почему ей не все равно, с кем Джош болтается по барам?

«Потому что, – говорил внутренний голос, – официально ты ему никто и пока еще все возможно. Он же не всегда хранит тебе верность во время расставаний.»

Ну, да, вот поэтому ей и не нравилась ситуация с этими барами. Джош уже дважды ей изменил, но оба раза признался сам, объяснив, что те женщины для него ничего не значили, а были чудовищными ошибками, и поклялся, что такого больше не произойдет. Хоуп казалось, они смогут это преодолеть, но вот они снова расстались, и ее опять обуревают прежние страхи. А Джош с приятелями в Лас-Вегасе гуляет по полной и занимается тем, чем обычно занимаются мужчины в Лас-Вегасе. Хоуп не могла бы точно ответить, что входит в комплекс лас-вегасских мужских развлечений, но в первую очередь на ум приходили стриптиз-клубы. Вряд ли приятели Джоша побегут посмотреть шоу Зигфрида и Роя: Лас-Вегас не без причины прозвали Городом Греха.

Эта ситуация до сих пор вызывала у нее раздражение не потому, что Джош подвел ее со свадьбой Эллен, а оттого, что им вообще необходимо отдыхать друг от друга. Да, пары ссорятся – так устроена жизнь, но потом люди объясняются, учатся на ошибках, прощают друг друга и живут дальше. Однако Джош этого будто не понимал, и Хоуп все чаще задавалась вопросом: есть ли у них будущее?

Иногда она спрашивала себя, зачем он ей нужен, но в глубине души знала ответ. Как бы она ни злилась и не расстраивалась из-за определенных качеств его характера, Джош очень умен и так красив, что замирало сердце: даже спустя шесть лет Хоуп таяла под взглядом его

темно-синих глаз. Ну и что, ну и ладно, а Джош все равно ее любит. Когда несколько лет назад Хоуп попала в аварию, он примчался с работы и не отходил от нее двое суток. Когда ее отцу понадобилось направление к неврологу, его достал Джош, заслужив благодарность всей семьи. Он заботился о Хоуп, менял в ее машине масло и покрышки, а время от времени удивлял домашним ужином. На семейных обедах и в компании подруг Хоуп Джош помнил, кто чем живет, и обладал замечательной способностью создавать непринужденную атмосферу.

К тому же их объединяли общие интересы. Хоуп и Джош обожали ходить в походы, на концерты, любили одну и ту же музыку. За шесть лет они побывали в Нью-Йорке, Чикаго, Канкуне и на Багамах, и каждая из этих поездок укрепляла решение Хоуп быть с Джошем. Когда отношения развивались более-менее гладко, Хоуп казалось, что больше ей ничего и не нужно, но как только начинались конфликты, все становилось просто ужасным. Она подозревала, что просто привыкла и уже не может обойтись без периодических скандалов, но как это проверить, не знала. Жизнь с Джошем была невыносима, однако Хоуп не могла представить себе жизни без него.

Вдалеке Скотти увлеченно носился по песку, что-то вынюхивал и атаковал крачек, заставляя их отплывать подальше от берега. Вдруг он развернулся и помчался к дюне – зачем, Хоуп разглядеть не могла. По возвращении в коттедж пес, наверное, будет полдня отсыпаться. Ну и слава богу.

Она отпила еще кофе, расстраиваясь, что все так, а не иначе. У родителей брак сложился словно без усилий; старшие сестры соблюдают преемственность, у всех подруг ровные, успешные отношения, и только они с Джошем, как говорится, то целуются, то дерутся. Последнюю ссору даже вспоминать не хочется.

Возвращаясь мыслями к той размолвке, Хоуп думала, что виновата не меньше Джоша. Он устал на работе, она нервничала из-за... кстати, из-за того, как у них сложится будущее, но, вместо того чтобы находить утешение в обществе друг друга, они несколько месяцев копили взаимные претензии; в итоге произошел настоящий скандал. Хоуп даже не помнила, из-за чего они начали спорить; она заговорила о скорой свадьбе Эллен, и Джош вдруг замолчал. Он явно был чем-то расстроен, но когда Хоуп спросила, бросил, что все нормально.

Нормально.

Хоуп ненавидела это слово. Отвечать «нормально» – это способ заканчивать разговоры, а не начинать. Может, не стоило так настойчиво выпрашивать, но не успела Хоуп опомниться, как невинное упоминание о свадьбе подруги превратилось в ужасную ссору с криками и обидными словами. Джош в гневе выскочил за дверь, переночевал у брата, а на следующий день предложил Хоуп пожить порознь. Спустя пару дней он прислал сообщение, что на неделю уезжает в Лас-Вегас.

Это было почти месяц назад. Они несколько раз созванивались, но это мало помогало, к тому же Джош не звонил уже неделю. Хоуп с радостью перевела бы время назад и начала все сначала, но вместе с тем ей хотелось, чтобы Джошу было так же плохо, как ей, и чтобы он извинился. В том споре Джош реагировал чересчур бурно, с преувеличенной яростью: казалось, ему недостаточно воткнуть нож ей в сердце, нужно еще и жестоко его провернуть. Изменится ли он хоть когда-нибудь? А если нет, с чем останется Хоуп? Со своими тридцатью шестью годами и отсутствием мужа? Меньше всего на свете она хотела бы снова начинать поиски. Даже думать об этом было невыносимо. Ходить по барам и принимать ухаживания таких, как приятели Джоша? Вот уж нет, спасибо! Не может быть, чтобы шесть лет, отданные Джошу, оказались пустой тратой времени. Иногда он доводит ее до белого каления, но ведь в нем столько хорошего...

Хоуп допила кофе. Вдалеке вдоль кромки воды шел какой-то человек. Скотти пронесся мимо него, распугав стаю чаек. Хоуп хотелось позабыть обо всем, уйдя в созерцание океанской глади, мерцавшей золотом в утреннем свете. Океан был величественно спокоен – отец когда-

то рассказывал, что такое спокойствие обманчиво и означает надвигающийся шторм, но Хоуп решила не говорить об этом Эллен, если та снова позвонит.

Хоуп провела рукой по волосам, заправив за ухо выбившиеся пряди. Полупрозрачные облачка на горизонте наверняка рассеются, когда солнце поднимется выше. День обещает быть прекрасным для бокала вина с сыром и крекерами, а то и устрицами на половинке раковины. Добавить еще свечи и страстный «ритм-энд-блюз»...

Почему в голову лезут такие мысли?

Со вздохом Хоуп снова посмотрела на океан, вспоминая, как в детстве часами играла в таких небольших волнах – каталась на буги-борде или подныривала под гребень волны, и вся масса воды проносилась над головой. Часто к купаниям присоединялся отец... От этого воспоминания ей снова стало грустно.

Вряд ли папа еще когда-нибудь войдет в океан.

Рассеянно глядя вдаль, Хоуп напредила себе, что ей вообще грех жаловаться. Ей не приходится думать о том, где найти пищу или ночлег, она пьет чистую воду, не рискуя подхватить холеру или дизентерию, у нее есть одежда, образование и много чего еще.

Отец со своим надгробным словом опавшему листу не хотел бы, чтобы Хоуп терзалась из-за него, а Джош, скорее всего, вернется. Расставания у них не длились дольше полутора месяцев, и всякий раз Джош первым делал шаг к примирению. Хоуп исповедовала принцип «если любишь, отпусти; если любит, вернется». Здравый смысл подсказывал, что умолять кого-то остаться – почти то же самое, что умолять о любви, а Хоуп была достаточно умна, чтобы понимать – так не бывает.

Отвернувшись, она вновь побрела вдоль берега. Прикрыв глаза ладонью, Хоуп высматривала Скотти, но пса нигде не было. Она оглянулась, удивившись, как это он проскочил мимо, однако Скотти не оказалось и сзади – пляж был совершенно пуст. Хоуп забеспокоилась: на прогулках ей иногда приходилось по несколько секунд искать питомца, но Скотти не из тех собак, которые убегают. Хоуп подумала, что он мог погнаться за птицами по мелководью, и его подхватила отступающая волна, но пес никогда не заходил далеко. Не растворился же он в воздухе, в самом деле!

И тут Хоуп увидела, как кто-то спускается по склону ближайшей дюны. Отца бы возмутило такое отношение к природе: дюны хрупкие, люди должны ходить по деревянным настилам, если им нужно на пляж, но... да и ладно. У нее есть заботы поважнее.

Осмотревшись, Хоуп вновь бросила взгляд на спускающегося человека. Он уже сбежал на берег, и она направилась ему навстречу, чтобы спросить, не видел ли он Скотти. Что еще предпринять, Хоуп не знала. Она рассеянно заметила, что незнакомец что-то несет (ноша сливалась с белой рубашкой), и только через несколько секунд поняла – на руках у него Скотти. Хоуп сразу прибавила шаг.

Незнакомец двигался почти с животной грацией. Он был одет в выцветшие джинсы и белую рубашку, расстегнутую до середины и не скрывающую мускулистую грудь – свидетельство активной жизни и физической работы. У него были темно-синие, как вечернее небо, глаза и черные волосы, начинавшие седеть на висках. Когда мужчина робко улыбнулся, Хоуп заметила ямочку у него на подбородке. Его лицо неожиданно показалось знакомым, и Хоуп вдруг посетило странное чувство, что они знают друг друга всю жизнь.

Сансет-Бич

Тру не догадывался, о чем думала Хоуп, идя ему навстречу, но отвернуться он не мог. Незнакомка была в выгоревших джинсах, босоножках и желтой блузке без рукавов с глубоким V-образным вырезом. С гладкой, слегка загорелой кожей и темно-рыжими волосами, обрамлявшими высокие скулы, она прямо-таки притягивала взгляд. Голубые глаза расширились, выдавая какое-то душевное движение – облегчение, благодарность, удивление? – когда она остановилась перед ним, затаив дыхание. Словно позабыв все слова, они стояли и смотрели друг на друга, пока Тру не кашлянул.

– Полагаю, это ваша собака? – уточнил он, протягивая девушке пса.

Хоуп уловила акцент, немного напоминавший британский или австралийский. Этого оказалось достаточно, чтобы разрушить чары. Она протянула руки к Скотти.

– А почему вы держите мою собаку?

Передавая пса, Тру объяснил, что случилось. А терьер тут же принялся лизать хозяйке руки, радостно поскуливая.

– Вы хотите сказать, что его сбила машина?! – ахнула Хоуп с паническими нотками в голосе.

– Я знаю только то, что слышал. Когда я нашел его, пес не мог ступить на заднюю лапу и дрожал.

– Но машины вы не видели?

– Нет.

– Странно.

– Может, Скотти задело вскользь, и когда он отскочил, в машине решили, что собака не пострадала.

Тру смотрел, как Хоуп осторожно ощупывает лапы пса. Скотти не скулил, а напротив, даже восторженно заерзал. Тру видел озабоченность на лице девушки, когда она наконец опустила питомца на песок. Пока терьер убежал в сторону, она смотрела ему вслед.

– Не хромает, – отметила Хоуп. Краем глаза она видела, что незнакомец тоже наблюдает за Скотти.

– Вроде бы нет, – согласился Тру.

– Вы считаете, его нужно показать ветеринару?

– Я не знаю.

Скотти заметил впереди новую стаю чаек и рванул к ним. Бросившись на одну из птиц, он тут же отскочил и свернул широкой дугой, не сбавляя хода. Потом, почти прижавшись носом к песку, пес потрусил в направлении коттеджа.

– Похоже, с ним все в порядке, – пробормотала Хоуп скорее себе, чем собеседнику.

– Да, энергии хоть отбавляй.

«Ты даже представить себе не можешь», – подумала она.

– Спасибо, что поднялись за ним и вернули на пляж.

– Рад был помочь. А вы, случайно, не знаете, где поблизости можно купить чашку кофе?

– В эту сторону только коттеджи. За пирсом есть «Клэнси», ресторан с баром, но он, по моему, откроется после двенадцати.

Хоуп хорошо понимала обескураженное выражение на лице незнакомца: утро без кофе отвратительно. Будь она волшебницей, постаралась бы, чтобы исчезло само понятие подобного безобразия. Скотти убежал еще дальше, и Хоуп показала на пса:

– Мне, наверное, нужно за ним присмотреть.

– Я тоже шел в эту сторону, – признался Тру и повернулся к ней: – Вы позволите пройтись с вами?

Едва он спросил, как Хоуп ощутила незнакомый трепет. Этот взгляд, глубокие переливы голоса, лениво-небрежные, но грациозные движения отзывались в ней некоей вибрацией, как от натянутой струны. От удивления ее первым порывом было отказать. Прежняя Хоуп – та, которой она всегда была, – сделала бы это автоматически и незамедлительно, но сейчас в ней пересилило какое-то новое, совсем незнакомое чувство.

– Безусловно, – ответила Хоуп.

Даже в тот момент она совершенно не понимала, почему согласилась. Не поняла она этого и много лет спустя. Легко было бы списать все на волнения, выбившие ее из колеи, но Хоуп чувствовала – дело не только в этом. В конце концов она пришла к выводу, что, хотя они еще не успели толком познакомиться, Тру пробудил в ней то, чего она в себе не подозревала, – нечто совершенно естественное, но непривычное.

Тру кивнул. Если он и удивился ее ответу, Хоуп этого не почувствовала. Они пошли вдоль берега рядом. Тру держался на некотором расстоянии, но Хоуп было видно, как ветер треплет его густые черные волосы. Впереди Скотти продолжал увлеченно обнюхивать песок. Под ногами хрустели крохотные ракушки. Над задним крыльцом одного из коттеджей бился на ветру голубой флажок. С неба на них лился солнечный свет, жидкий и теплый. На пляже больше никого не было, и их прогулка казалась чем-то сокровенным, точно они вдвоем остались на пустой сцене.

– Меня, кстати, зовут Тру Уоллс, – наконец сказал незнакомец, стараясь говорить громче, чтобы перекричать шум прибоя.

Хоуп внимательно посмотрела на него и заметила морщинки у глаз, видимо, от долгого пребывания на солнце.

– Тру? Никогда не слышала такого имени.

– Уменьшительное от Труитт.

– Рада познакомиться, Тру. Хоуп Андерсон.

– Я вас, кажется, вчера видел.

– Возможно. В Сансет-Бич я гуляю со Скотти несколько раз в день. Но я вас не видела.

Тру кивком показал на пирс.

– Я шел в другом направлении. Нужно было размять ноги: перелет был долгим.

– А откуда прилетели?

– Из Зимбабве.

– Вы там живете? – на лице Хоуп отразилось удивление.

– Всю жизнь.

– Простите мое невежество, – начала она. – Зимбабве в какой части Африки?

– На юге. Граничит с Южно-Африканской Республикой, Ботсваной, Замбией и Мозамбиком.

Южно-Африканская Республика часто мелькала в новостях, но остальные страны Хоуп знала только по названию.

– Далеко же вы забрались!

– Да.

– Впервые в Сансет-Бич?

– Впервые в США. Здесь совсем другой мир.

– В каком смысле?

– Все другое: дороги, инфраструктура, Уилмингтон, машины, люди... Никак не привыкну, сколько здесь зелени...

Хоуп не с чем было сравнивать, поэтому она лишь кивнула, следя, как Тру сунул руку в карман.

– А вы? – спросил он. – Мне показалось, вы тоже сюда приехали?

Она кивнула:

– Я живу в Роли, – спохватившись, что собеседник, вероятно, не знает, где это, Хоуп добавила: – Это в двух часах езды на северо-запад. На материке. Еще больше зелени и никакого пляжа.

– А рельеф там тоже такой плоский?

– Нет, совсем нет, там холмы. Роли довольно большой город, там много жителей и разных развлечений. А здесь, как вы, наверное, заметили, очень тихо.

– Я ожидал увидеть на пляже больше людей.

– Летом так и есть. Сегодня попозже тоже кто-нибудь появится. Но в это время года здесь практически безлюдно. Место курортное, сейчас остались только местные жители.

Хоуп откинула волосы назад, чтобы пряди не лезли в лицо, но без резинки это было бесполезно. Краем глаза она заметила на запястье Тру кожаный браслет – потертый, изношенный, с выцветшими стежками, ставшими уже неразличимым узором. Ей отчего-то показалось, что браслет ему идет.

– В жизни не встречала никого из Зимбабве, – щурясь от солнца, она посмотрела на собеседника: – Вы сюда в отпуск?

Он прошел несколько шагов, не отвечая, удивительно грациозный даже на сыпучем песке.

– Нет, я приехал на встречу.

– А-а...

Хоуп сразу подумала, что встреча у него с женщиной, и хотя ей это было безразлично, она неожиданно почувствовала разочарование. «Это просто нелепо», – подумала Хоуп, отогнав странную мысль.

– А вы? – спросил Тру, приподняв бровь. – Что привело вас сюда?

– У моей подруги в субботу свадьба в Уилмингтоне, я одна из подружек невесты.

– Значит, у вас впереди прекрасный уик-энд?

«Ну, если не считать того, что Джош улетел в Лас-Вегас, мне теперь не с кем танцевать, меня будут донимать расспросами, что опять произошло, а я не хочу говорить на эту тему, даже если бы у меня и были ответы...»

– Да, настоящий праздник, – согласилась Хоуп. – А можно вас спросить?

– Пожалуйста.

– Как там в Зимбабве? Я никогда не была в Африке.

– Это смотря где в Зимбабве.

– Похоже на Америку?

– Из того, что я видел – нисколько.

Хоуп улыбнулась. Конечно, непохоже.

– Может, вопрос покажется вам глупым, но... а вы льва видели?

– Почти каждый день вижу.

– Что, в окно? – глаза Хоуп расширились.

– Я гид в одном из заповедников, где устраивают сафари.

– Ой, я всегда хотела поехать на сафари!

– Многие туристы, которых я сопровождал, уверяли, что это лучшая поездка в их жизни.

Хоуп попыталась себе это представить, но не смогла. Если пойти по лесу, животные, наверное, попрячутся, как в зоопарке.

– А как вы поступили туда на работу?

– Существует определенный порядок. Сначала специальные курсы, потом экзамены, стажировка и наконец лицензия. Начинаешь наблюдателем, а уже потом постепенно становишься гидом.

– А чем занимается наблюдатель?

– Многие животные очень хорошо маскируются, их нелегко заметить. Наблюдатель высматривает зверей, чтобы гид мог спокойно вести машину и отвечать на вопросы.

Хоуп кивнула, глядя на него с возрастающим любопытством.

– А давно вы этим занимаетесь?

– Давно, – ответил Тру и с улыбкой добавил: – Больше двадцати лет.

– И все на одном месте?

– Нет, в разных заповедниках.

– Чем же они отличаются?

– Почти всем. Одни – дорогие, другие – подешевле. Разная концентрация животных, исходя из местности. Есть места засушливые, а есть с водоемами; все это влияет на численность и миграцию зверей. Некоторые сафари-лоджи позиционируют себя организаторами люксовых туров и предлагают великолепную кухню, в других условия самые примитивные – спальные места в палатках и готовые обеды в целлофане. В одних лагерях управляющие лучше, в других похуже...

– А сейчас вы в каком лагере работаете?

– Класа люкс. Прекрасные условия и питание, хорошая организация сафари, разнообразие животных.

– То есть вы его рекомендуете?

– Безусловно.

– Как же интересно наблюдать за дикими животными! Но вы, наверное, давно привыкли и ничему не удивляетесь?

– Вовсе нет, каждый день несет что-то новое, – Тру смотрел на нее своими темно-синими глазами, пронизательными, но добрыми. – А вы? Где вы работаете?

Отчего-то Хоуп не ожидала этого вопроса.

– Я медсестра в травматологии в больнице.

– К вам привозят подстреленных?

– Иногда, – согласилась Хоуп. – Но больше после автомобильных аварий.

Они уже подходили к дому, где временно поселился Тру, и он начал держаться ближе к дюне, оставляя позади плотный влажный песок у самой воды.

– Я живу в коттедже родителей, – Хоуп указала на домик рядом с трехэтажной виллой. – А вы?

– А я ваш сосед. Я вон в том большом, трехэтажном.

– Оу, – осеклась Хоуп.

– Какие-то проблемы?

– Очень... огромный у вас дом.

– О да, – засмеялся Тру. – Но дом не мой. Человек, с которым я должен встретиться, разрешил мне там пожить. По моим предположениям, дом принадлежит ему.

Значит, он приехал встретиться с мужчиной, отметила Хоуп. Ей сразу стало легче, хотя она напонила себе, что должна быть совершенно равнодушна к его встречам.

– Дом закрывает нам солнце, – объяснила Хоуп. – А для папы он и вовсе болия мозоль.

– Вы знакомы с владельцем?

– Ни разу не видела, – призналась она. – А вы разве с ним незнакомы?

– Нет. Я впервые узнал о нем несколько недель назад.

Хоуп стало любопытно, но она решила, что у Тру есть причины отвечать уклончиво. Оглядевшись, Хоуп заметила, что Скотти вынохивает что-то у самой дюны, возле деревянных ступенек. Как всегда, пес был весь в песке.

Тру замедлил шаг и остановился у лестницы в свой особняк.

– Наверное, здесь мы расстанемся?

– Спасибо вам еще раз за Скотти. Я так счастлива, что с ним все в порядке.

– Я тоже, хотя по-прежнему огорчен отсутствием кофе в этой местности, – он улыбнулся уголком губ.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Хоуп вела подобные разговоры, да еще с незнакомым человеком, но при этом легко и непринужденно, без всяких ожиданий. Чувствуя, что ей не хочется расставаться, она кивнула на свой коттедж:

– Я перед прогулкой сварила полную кофеварку. Будете чашечку?

– Мне не хотелось бы вторгаться без приглашения...

– Пустяки. В коттедже только я, и оставшийся кофе, скорее всего, отправится на помойку. К тому же вы спасли мою собаку!

– В таком случае я с удовольствием выпью чашечку.

– Идемте, – сказала Хоуп.

Она первой стала подниматься по лестнице и прошла по деревянному настилу до калитки. Скотти уже ждал там, виляя хвостом; едва калитку открыли, он в три прыжка оказался на крыльце. Тру незаметно оглянулся на виллу и подумал, что Хоуп права: особняк действительно раздражал. А от этого коттеджа веяло уютом: белые стены, синие ставни, вазон с цветами. На веранде деревянный стол, окруженный пятью стульями, под окном два кресла-качалки, а между ними маленький, выдавший виды столик. Хотя дожди, ветра и морская соль сделали свое дело, веранда казалась очень привлекательной.

Хоуп прошла внутрь, сказав:

– Я принесу вам кофе, но Скотти пока должен побыть на веранде. Его нужно обтереть, иначе до вечера буду бегать со щеткой. Присаживайтесь, не стесняйтесь. Я сейчас вернусь.

За ней захлопнулась сетчатая дверь. Тру присел у стола. Рядом переливался океан, спокойный и манящий. Может, днем сходить поплавать...

Через окно виднелась кухня. Хоуп появилась там с полотенцем на плече и достала из шкафчика две чашки. Она вызвала у Тру живой интерес. Несомненно, эта девушка очень красива, но дело не только в этом. В улыбке Хоуп сквозили беззащитность и одиночество, будто она боролась с постоянной тревогой, причем сразу по нескольким поводам.

Тру поерзал на стуле, напомнив себе, что это не его дело. Ему через несколько дней уезжать, они практически незнакомы и максимум помашут друг другу с крыльца на прощание. Может, сейчас он в последний раз видит Хоуп и говорит с ней.

В дверь постучали изнутри. Сквозь сетчатый экран Тру увидел Хоуп, выжидательно стоявшую с чашками в руках. Поднявшись, он открыл дверь. Хоуп прошла мимо него и поставила чашки на стол.

– Вам молока или сахару?

– Нет, спасибо, ничего не надо, – отозвался Тру.

– Ладно. Не ждите меня, пейте. Мне нужно заняться собакой.

Стянув полотенце с плеча, она присела на корточки и начала вытирать Скотти.

– Вы не поверите, сколько песка в его шерсти, – приговаривала Хоуп. – Притягивает он его, что ли...

– Наверное, с ним не соскучишься.

– Скотти хороший пес, – сказала она, целуя собаку в морду. Терьер тут же облизал хозяйке лицо в знак признательности.

– Сколько ему?

– Четыре года. Мне его купил мой бойфренд, Джош.

Тру кивнул. Нужно было сразу понять, что у нее кто-то есть. Он взял свою чашку, не зная, что сказать, и решил больше не задавать вопросов. Сделав глоток, Тру отметил, что кофе на вкус отличается от того сорта, какой выращивает его семья, – более резкий и насыщенный, что ли. Но кофе был крепким и горячим, а больше Тру ничего и не требовалось.

Закончив со Скотти, Хоуп повесила полотенце сохнуть на перила и вернулась к столу. Когда она присела, ее лицо оказалось в тени, что придавало ей некоторую загадочность. Она осторожно подула в чашку, прежде чем отпить, – отчего-то Тру смотрел на это с замиранием сердца.

– Расскажите мне о свадьбе, – попросил он.

– О господи... Да просто свадьба, и все.

– Вы сказали, замуж выходит ваша подруга?

– Мы с Эллен дружим с самого колледжа, в одном женском клубе были. У вас в Зимбабве есть женские клубы? – Заметив на лице Тру озадаченное выражение, она продолжила: – Ну, это чисто женские организации в университетах и колледжах, где девушки вместе учатся и тесно общаются. Другие подружки невесты тоже из нашего клуба, так что заодно получится маленькая встреча выпускников. А в остальном это самая обычная свадьба: фотосессия, торт, оркестр, бросание подвязки с ноги невесты и тому подобное. Вы же знаете, какие бывают свадьбы.

– Помимо собственной, я ни на одной не был.

– Так вы женаты?

– В разводе. Но у нас была совсем не такая свадьба, как принято в Америке. Нас расписал сотрудник городского суда, и мы сразу поехали в аэропорт. Медовый месяц провели в Париже.

– Романтично.

– О да.

Хоуп понравился деловой тон его ответа и то, что Тру не пустился в излишнюю откровенность и не пытался что-то романтизировать.

– А тогда откуда вы знаете про американские свадьбы?

– В кино видел, да и туристы рассказывали – на сафари часто приезжают молодожены. Для меня свадьбы навсегда останутся чем-то стрессовым и очень сложным.

Эллен бы его горячо поддержала, подумала Хоуп. Решив сменить тему, она спросила:

– А каково расти в Зимбабве?

– Могу рассказать только о личном опыте. Зимбабве – большая страна, у всех все по-разному.

– И как же росли вы?

Тру не был уверен, что стоит копать глубоко, поэтому ограничился общей информацией.

– У моей семьи большая ферма возле Хараре, ею владеет уже не первое поколение Уоллсов. Я вырос на ферме и там же работал. Дед думал, мне это пойдет на пользу. В детстве я доил коров и собирал яйца. Подростком уже занимался мелким ремонтом: чинил изгороди, крыши, оросительную систему, насосы, моторы – все, что ломается. Параллельно ходил в школу.

– Как же вы стали гидом?

Тру пожал плечами.

– В буше мне всякий раз становилось спокойно. В свободные часы я уходил туда один. Закончив школу, я сказал родственникам, что не останусь на ферме, и ушел.

Он чувствовал на себе взгляд Хоуп. Выслушав, она со скептическим видом снова взялась за чашку:

– Почему у меня ощущение, что вы не все говорите?

– Потому что всегда есть что рассказать.

Хоуп засмеялась – удивительно сердечно и естественно.

– Справедливо. Расскажите мне о самом интересном, что вам доводилось видеть на сафари!

Оказавшись на привычной почве, Тру баловал собеседницу историями, которые рассказывал любопытным туристам. Изредка Хоуп задавала вопросы, но в основном слушала. Когда он договорил, его чашка уже опустела, а солнце немилосердно припекало голову. Тру поставил пустую чашку на стол.

– Хотите еще? В кофеварке много осталось.

– Одной чашки хватит, – отказался он. – К тому же я отнял у вас много времени. Очень рад был пообщаться. Спасибо.

– Это самое меньшее из того, что я могла сделать, – отозвалась Хоуп, провожая его до калитки. Тру распахнул ее, остро ощущая, что Хоуп стоит совсем близко, и начал спускаться по ступенькам. Дойдя до настила, он обернулся и помахал на прощание.

– Рада была познакомиться, Тру, – сказала Хоуп с улыбкой. Спускаясь на пляж, он гадал, смотрит ли она ему вслед. Отчего-то Тру понадобилась вся сила воли, чтобы не оглянуться.

Осенние деньки

Вернувшись в дом, Тру не знал, чем заняться. Он бы с удовольствием позвонил Эндрю, но звонить из отцовского дома было неловко, учитывая стоимость звонка в Африку, да и Эндрю еще не пришел из школы – после уроков он играет в соккер в детском клубе. Тру всегда любил смотреть на их тренировки: в отличие от многих товарищей по команде, Эндрю не был особо крепок и силен, но по натуре это был спокойный, уверенный лидер. Весь в маму.

Мысль о сыне заставила Тру достать альбом и карандаши и направиться на заднюю террасу. Хоуп ушла в коттедж, но полотенце, которым она вытирала Скотти, осталось висеть на перилах. Усевшись в кресло, Тру колебался, что бы такое нарисовать. Эндрю никогда не видел океана своими глазами, он не бывал на побережье, – и Тру решил запечатлеть раскинувшуюся перед ним бескрайнюю водную гладь, если, конечно, удастся.

Как всегда, он начал с разметки листа едва заметными линиями: диагональный ракурс включал береговую линию, прибой, пирс и океан, тянувшийся до горизонта. С помощью рисования Тру всегда отдыхал: он мог без помех думать о чем-то своем, пока карандаш скользил по бумаге. Сейчас его мысли занимала Хоуп: Тру гадал, отчего его тянет к этой женщине, – он не принадлежал к породе легко увлекающихся мужчин. Впрочем, все это неважно, в Северную Каролину он летел не за этим. Отвлечшись, Тру вскоре поймал себя на том, что думает о своих родных.

Он почти два года не виделся и не созванивался ни с отчимом Родни, ни со сводными братьями Алленом и Алексом. Причины уходили корнями в прошлое, а величина семейного состояния только усугубляла отчужденность. Помимо фамилии Уоллис, Тру унаследовал часть семейной фермы и деловой империи. Доходы были немаленькими, но у Тру не было большой нужды в деньгах: причитающаяся ему доля перечислялась на инвестиционный счет в швейцарском банке, который Полковник открыл на имя внука, когда Тру был еще ребенком. Средства на счете копились много лет, но Тру редко проверял баланс. С этого счета регулярно переводились алименты Ким и плата за обучение Эндрю, но, не считая покупки дома в Булавайо, основной капитал оставался нетронутым. Тру уже оформил все полагающиеся бумаги, чтобы приличная часть этих денег перешла к сыну, когда тому исполнится тридцать пять лет (он почти не сомневался, что Эндрю сможет использовать их с умом).

С некоторых пор сводные братья начали возмущаться такими порядками, но между ними и Тру всегда ощущалась отчужденность, так что это было ожидаемо. Тру был на девять лет старше; когда близнецы немного подросли и могли воспринимать его как старшего брата, он уже пропадал в буше, а в восемнадцать и вовсе съехал с семейной фермы. В сущности, они всегда были чужими друг другу.

С отчимом дело обстояло сложнее. Доля Тру в семейном бизнесе стала яблоком раздора с момента смерти Полковника тринадцать лет назад, но отношения с Родни разладились задолго до этого. По мнению Тру, все началось с пожара в 1959 году, когда выгорела чуть ли не вся ферма. Одиннадцатилетний Тру спасся чудом, выпрыгнув из окна второго этажа, Родни выскочил из огня с маленькими Алленом и Алексом на руках, но мама Тру Эвелин из горящего дома выбраться не смогла.

Родни и до пожара едва терпел пасынка – Тру в жизни не видел от него какой-то поддержки или проявлений нежных чувств, а после гибели жены отчим и вовсе перестал замечать его, разрываясь между своим горем, воспитанием осиротевших сыновей и управлением фермой. Сейчас Тру это понимал, но тогда ему было очень тяжело. Полковник тоже не бросился его утешать: после смерти единственной дочери он впал в глубокую тоску и словно дал обет молчания. Он целыми днями сидел у пепелища, глядя на почерневшие развалины. Когда обгорелые обломки вывезли и начали строиться заново, Полковник молча наблюдал за работой.

Иногда Тру приходил посидеть с ним, но дед нехотя, точно через силу, бросал слово-другое. Поговаривали разное и о Полковнике, и о ферме, и о причине пожара, но Тру ничего не знал об этих слухах, а только видел, что никто из родных не хочет с ним говорить или хотя бы обнять лишний раз. Не оказись рядом Тенгве и Ануны, Тру не мог представить, как бы он выдержал. Единственное, что запомнилось ему о тех годах, – это как он каждый вечер засыпал в слезах и как после школьных занятий и своих обязанностей на ферме уходил туда, где кончалась земля Уоллсов, и часами бродил на свободе. Теперь Тру понимал – то были первые шаги, которые в итоге увели его жить в буш. Если бы мать осталась жива, Тру даже не представлял, кем бы он стал.

После смерти Эвелин изменилось и еще кое-что: через некоторое время Тру попросил Тенгве купить бумагу для рисования и карандаши. Он много раз видел, как мама рисует, и начал делать то же самое. Мальчика никто не учил, природного таланта у него не было, поэтому лишь много месяцев спустя Тру смог воссоздать на бумаге хотя бы дерево так, чтобы оно походило на оригинал. Но рисование было для него способом спастись от безмолвного отчаяния, поселившегося на ферме.

Ему очень хотелось нарисовать мать, но черты ее лица во многом стерлись из памяти Тру раньше, чем он научился рисовать. Несмотря на все старания, выходило все не то – не та мама, которую он помнил (хотя Тенгве и Ануна горячо уверяли мальчика в обратном). Иные попытки оказывались ближе к цели, но ни разу мама у него не получилась такой, как при жизни. В конце концов он выбросил кипу своих рисунков, смирившись с этой потерей, как и с остальными.

Например, с потерей отца.

В детстве Тру иногда казалось, что отца просто не существовало в природе. Мать рассказывала мало, даже когда Тру настаивал, а Полковник наотрез отказался говорить о нем. Со временем любопытство превращалось почти в безразличие – Тру годами не вспоминал об этом человеке, и вдруг как гром среди ясного неба несколько месяцев назад в Хванге пришло письмо. На конверте значился адрес фермы: в лодж письмо переправил Тенгве. Тру не спешил его открывать, а когда наконец распечатал, ему показалось, что это какой-то розыгрыш, хотя в конверте лежали билеты на самолет. И лишь внимательно рассмотрев выпуклую фотографию, он понял, что письмо, скорее всего, настоящее.

На снимке молодой красавец обнимал за плечи юную девушку – явно Эвелин, только совсем молоденькую. На фотографии она казалась еще подростком (когда родился Тру, ей было всего девятнадцать), и его неожиданно поразила мысль, что он уже вдвое старше тогдашней Эвелин – конечно, если это она.

Но Тру чувствовал, что на фотографии действительно его мать.

Он не знал, сколько часов смотрел на снимок в первый вечер, и несколько дней потом то и дело доставал и разглядывал его. Фотографий матери у Тру не было – сгорели в пожаре, унесшем ее жизнь, и увидеть маму спустя столько лет – все равно что открыть шлюз и выпустить целое море воспоминаний: как она рисовала на террасе за домом, или ее лицо, когда она склонялась над маленьким Тру, подтыкая одеяло, а вот мама в зеленом платье на кухне, а вот еще ощущение ее руки, за которую Тру держался, когда они гуляли у пруда. Он не знал, было ли это на самом деле или память его подводит.

Но оставался главный вопрос: с красавцем на фотографии.

Автор письма назвался Гарри Бекхэмом, американцем, 1914 года рождения. Он писал, что познакомился с Эвелин в конце 1946-го. Вторую мировую Бекхэм прошел в составе американского инженерного корпуса, а после войны приехал в Родезию и работал на шахте Буш-тик в Матабелеленде. В Хараре он познакомился с Эвелин Уоллс – в письме говорилось, что любовь была взаимной и с первого взгляда. Автор письма уверял, что не знал о беременности Эвелин, когда вернулся в Америку, но этому Тру не очень поверил: если бы этот Бекхэм ничего

не подозревал о беременности случайной подружки, разве стал бы он наводить справки спустя столько лет?

Тру рассчитывал совсем скоро получить ответы на все свои вопросы.

Поработав над рисунком около двух часов, Тру остановился, когда ему показалось, что Эндрю понравится получившееся. Он надеялся, что рисунок отчасти компенсирует сыну неделю разлуки.

Вернувшись в дом, Тру подумал, а не пойти ли ему порыбачить: он обожал рыбалку и уже давно не выбирался на нее, однако, насидевшись, чувствовал необходимость разогнать кровь. Может, завтра, решил Тру, переодеваясь в единственные шорты, какие у него были. Найдя шкаф с целой горой пляжных полотенец, он взял одно и спустился на пляж. Бросив полотенце на песок близко к воде, Тру пошел навстречу волнам, удивившись, насколько теплой оказалась вода. Он пропустил первую небольшую волну, потом еще одну, а оказавшись в воде по грудь, оттолкнулся ото дна и поплыл до пирса и обратно.

Тру не сразу вошел в ритм, хотя океан был на редкость спокойный. Он много лет не плавал и немного разучился. Дюйм за дюймом он продвигался мимо летних домиков на берегу, но на пятом коттедже мышцы начали болеть. До пирса Тру еле выдержал, но упорства ему было не занимать, поэтому он не вышел на берег, а развернулся и поплыл обратно еще медленнее.

Когда Тру наконец поравнялся с трехэтажной виллой и вышел на берег, ноги дрожали, а руки почти не слушались. Но он остался доволен: в лагере гидов приходилось ограничиваться зарядкой и прыжками в высоту, насколько позволял потолок. Когда предоставлялась возможность, Тру бегал по внутреннему периметру лагеря, на что хватало получаса (самая скучная пробежка на свете), зато ходьбы у него всегда было вдоволь. В лагере, где он сейчас работает, вооруженный гид имеет право разрешить гостям выйти из джипа и пройти по бушу – иногда это единственный способ поближе подобраться к редким животным вроде черных носорогов или гепардов. Для Тру это была возможность поразмять ноги, а для гостей – лучший момент сафари.

Вернувшись в дом, Тру с удовольствием постоял под душем, прополоскал шорты в раковине и перекусил сэндвичем. После этого он опять не знал, чем заняться. У него давно не было дня без единого дела, и от этого становилось неудобно. Он снова взял альбом и, посмотрев на рисунок, сразу захотел кое-что изменить. Еще да Винчи говорил, что закончить произведение нельзя, можно только прекратить над ним работать, и Тру был с этим полностью согласен.

Решив еще посидеть над пейзажем завтра, он взял гитару и пошел на террасу. Песок в солнечных лучах казался ослепительно-белым, а ярко-синяя океанская гладь – зеркальной и неподвижной, не считая пенного прибоя. Идеальная гармония. Он настроил гитару и понял, что не хочет сидеть в доме остаток дня. Можно вызвать машину, но какой в этом смысл – он все равно не знает, куда здесь можно пойти. Однако Тру запомнил упомянутый Хоуп ресторан за пирсом и решил сходить туда ближе к вечеру поужинать.

Подыгрывая себе на гитаре, он спел почти все песни, которые знал. Как и рисование, музыка не мешала ему думать: он то и дело невольно посматривал на соседний коттедж, и мысли снова вернулись к Хоуп. Про себя Тру недоумевал, почему, несмотря на наличие бойфренда и свадьбу подруги, она приехала в Сансет-Бич одна.

Хоуп даже пожалела, что записана к парикмахеру и на маникюр на завтра, а не на сегодня: было бы чем заняться. Полдня она разбиралась в шкафах: мама предложила ей взять все, что душа захочет (с учетом возможных желаний сестер). Робин и Джоанна в ближайшие несколько недель тоже приедут помогать разбирать вещи, а Андерсоны воспитывали своих дочерей, так

что места для эгоизма не предполагалось. В кондоминиуме⁵ Хоуп было тесновато, поэтому она с легкой душой почти ничего себе не взяла.

Однако на разбор одной коробки ушло больше времени, чем она ожидала. Выбросив всякую ерунду, составлявшую основное содержимое, Хоуп оставила себе любимые очки для плавания, потертый томик «Там, где живут чудовища», брелок с Багзом Банни, игрушечного Винни-Пуха, три раскрашенные раскраски, открытки из мест, где они отдыхали всей семьей, и медальон с маминой фотографией. Эти вещицы вызывали у нее улыбку по разным причинам и стоили того, чтобы их сохранить. Сестры с ней согласятся. Вероятно, остальное в конце концов попадет в другие коробки и переключует на чей-либо чердак, отчего возникает вопрос: зачем вообще что-то разбирать? Но в глубине души Хоуп знала ответ: выбросить все сразу было бы неправильно. У нее просто поднималось настроение при мысли, что подобные вещи до сих пор где-то лежат.

Хоуп первой готова была признать, что последнее время жила как в тумане. Взять хотя эту поездку в Сансет-Бич накануне свадьбы Эллен: не самая лучшая идея, но Хоуп уже взяла на работе отпуск, что ей оставалось? Приехать к родителям и страдать, глядя на отца? Или торчать в Роли, где все напоминает о Джоше? Наверное, надо было отправиться не в Сансет-Бич, а куда-нибудь еще, но куда? На Багамы, Ки-Уэст, в Париж? Там Хоуп все равно была бы одна, отец по-прежнему был бы болен, Джош все равно куролесил бы в Лас-Вегасе, и в воскресенье предстояло бы ехать на свадьбу.

Ох, свадьба... Хоуп не хотела признавать, что ее туда совершенно не тянет, и не только из-за сомнительного удовольствия объяснять, куда делся Джош. Женская ревность тут ни при чем: Хоуп искренне радовалась за Эллен и в иное время была бы только счастлива повидаться со всеми подругами. Они не прекращали общения с окончания колледжа и были подружками невесты на свадьбах друг друга, начиная с Джинни и Линды, которые выскочили замуж через год после окончания учебы и уже обзавелись пятью детишками на двоих. Сиенна пошла под венец через два года после диплома и теперь растит четверых. Энджи вышла замуж в тридцать и три года назад стала счастливой мамой девочек-близняшек. Свадьбу Сьюзен праздновали два года назад, а в субботу и Эллен примкнет к «женатикам».

Хоуп не удивилась, когда Сьюзен недавно звонила похвастаться, что уже на третьем месяце беременности, но чтобы и Эллен?! Эллен, которая познакомилась с Колсоном лишь в декабре прошлого года? Эллен, клявшаяся, что никогда не выйдет замуж и не обременит себя спиногрызами? Сумасбродка Эллен, почти до тридцати лет жившая сегодняшним днем и мотавшаяся каждые выходные в Атлантик-Сити к бойфренду-наркодилеру, промышлявшему кокаином? Она не только нашла человека, захотевшего на ней жениться (ни много ни мало добропорядочного, религиозного специалиста инвестиционного банка), но, две недели назад по секрету сообщила Хоуп, что у нее срок уже двенадцать недель. Получается, им со Сьюзен рожать примерно в одно время... Хоуп вдруг оказалась перед перспективой стать аутсайдером в неразлучной когда-то компании. Подруги вступили либо вот-вот вступят в новый этап жизни, а Хоуп не решалась и загадывать, когда догонит остальных и догонит ли вообще, особенно в том, что касается детей.

Это ее пугало. Она долго считала мифом разговоры про тиканье биологических часов, соглашаясь разве что с тем, что в определенном возрасте труднее завести детей. Это знает каждая женщина, но Хоуп как-то не соотносила эту истину с собой. Родить детей для нее было само собой разумеющимся. Она просто так устроена, что, сколько себя помнит, не представляла будущего без собственных детей. Только в колледже Хоуп с удивлением обнаружила, что не все к этому стремятся. Когда на первом курсе соседка по комнате Сэнди заявила, что ее

⁵ Товарищество собственников жилья, в котором каждая квартира находится в частной собственности, а здание и территория – в совместном владении. – *Примеч. ред.*

больше интересуется карьерой, чем пеленки, Хоуп вначале решила, что девочка шутит. Они не виделись с самого колледжа, а пару лет назад в торговом центре Хоуп наткнулась на Сэнди, которая везла коляску с новорожденным. Хоуп не стала напоминать бывшей сокурснице старый разговор в общежитии, но, вернувшись домой, расплакалась.

Как это вышло, что у Сэнди есть ребенок, а у Хоуп нет? У Робин и Джоанны давно есть дети, а теперь все до единой подруги либо с детьми, либо скоро станут матерями? Хоуп казалось, что творится какая-то бессмыслица. С ранней юности она представляла себя беременной или с новорожденным на руках, восхищенно следящей, как он развивается, и гадающей, какие черты он унаследует. Будет ли у него такой же нос, как у нее, или такие же большие ноги, как у ее отца, или рыжие волосы, которыми Хоуп обязана бабушке? Материнство всегда казалось ей чем-то решенным раз и навсегда, предопределенным.

С другой стороны, Хоуп всегда все планировала. Годом к пятнадцати она выстроила для себя четкую систему целей: получить хороший аттестат, закончить колледж, к двадцати четырем годам стать дипломированной медсестрой, усердно работать и продвигаться по службе, не забывая, однако, веселиться – ведь молодость бывает только раз! Гулять с подругами, встречаться с молодыми людьми, не допуская, впрочем, ничего серьезного, а годом к тридцати встретить свою половинку. Встречаться, влюбиться, выйти за него замуж, а через годик-другой обзавестись детьми. Двое детей – в самый раз, желательно мальчик и девочка, хотя Хоуп ничуть не огорчится, если у нее будет только дочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.